ПОДРАЖАНІЕ ѲЕОФРАСТОВЫХЪ ХАРАКТЕРОВЪ

И

ПАСКАЛЕВЫХЪ МЫСЛЕЙ.

ПЕРЕВЕЛЪ
СЪ
ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА

АНТОНЪ ТЕЙЛЬСЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Печатано въ Университетской Типографіи
1779 года.

МНѢНІЯ ПАСКАЛЯ.

ГЛАВА 13.

О

Щастіи и нещастіи.

Власть, которую приписываютъ щастію, есть ничто, да и щастіе самое только одинъ вымыселъ.

Надобно быть безбожну, когда почитать, что есть судьба, щастіе, незапной случай, или припадокъ: то, что приключается людямъ сверьхъ ихъ чаянія, дѣлается только неисповѣдимымъ промысломъ Божіимъ. Сколь много разворенныхъ государствъ, сколько упадковъ и нещастій, почтены были дѣйствіями разгнѣванной фортуны, однакожъ въ томъ обманываются; фортуна, выдуманное сіе божество, никакого участія въ томъ не имѣетъ. А мы должны признавать, что Богъ допущаетъ всѣ сіи перемѣны, чтобъ содержать людей въ страхѣ.

Щастіе имѣло прежде сего храмы, а нынѣ имѣетъ оно подлинныхъ обожателей.

Мы уже подлинно не въ тѣхъ временахъ, въ которыя посвящали публичныя мѣста къ обоженію фортуны. Приносятъ нынѣ ей жертву тайно. Тщеславіе строитъ ей храмы, въ которыхъ усердную хвалу ей возсылаютъ.

Щастіе производитъ больше лицемѣровъ, нежели оныхъ есть въ самой вѣрѣ. Ежели бы набожность съ помощію разума, науки, мужества и достоинства, не была предводительницею къ достиженію милости, то бы мало было набожныхъ.

Говорятъ, что щастіе перемѣняетъ нравы; а мнѣ кажется, что оно болѣе ихъ открываетъ; пока надѣются получить какую нибудь прибыль, то думаютъ, что принимаютъ приличныя мѣры, и все то скрываютъ, дабы лучше обмануть тѣхъ, которые захотятъ насъ произвесть. Когдажъ они то получатъ то показываютъ себя таковыми, какъ они есть.

Крезусъ будучи въ простомъ состояніи, никакого не имѣлъ порока; но только что изъ онаго вышелъ, то не осталось ни одного порока, котораго бы справедливымъ образомъ приписать ему было не можно. Чтожъ тому причиною? Не усматриваете ли вы сами, что ему уже нужды нѣтъ притворяться; щастіе его совершилось, на чтожъ ему инакимъ казаться?

Полагать надлежитъ, что Крезусъ, будучи въ возвышеніи своемъ гордъ, не милосердъ

сердѣ и скупѣ, имѣлъ уже оные недостатки, но только что ихъ не оказывалъ и удерживалъ ихъ стремленіе: униженіе покрывало его гордость; притворная ласка таила въ немъ природную его жестокость, потребныя же чивости скупость его скрывали; а какъ щастіе пришло, то лукавство лицемѣра сего открылось, и сталъ онъ въ настоящемъ своемъ видѣ.

Скажемъ всѣ, что многіе думали бы не имѣть перемѣны въ щастіи, естьлибъ въ нравахъ ихъ перемѣнъ не происходило. Крѣпко утверждаютъ, что въ знатности не надобна добродѣтель, а только въ бѣдномъ состояніи она пристойна. Заблужденіе сіе утверждаютъ многіе тѣхъ, которые знатности достигли.

Какъ щастіе глупо въ своемъ выборѣ! одни оказавъ знатныя услуги, страждутъ въ безызвѣстномъ состояніи, другіежъ за посредственной храбрости дѣло, или за одно дерзновеніе награждены бываютъ: такъ идутъ дѣла въ свѣтѣ. Привыкши къ такимъ перемѣнамъ, удивляюсь, что они еще намъ странными могутъ казаться.

Фортуна довольно была проклята людьми, когда они узнали глупость ея выбору. Скрываетъ она иногда между народомъ обладателя свѣта; многіе изъ тѣхъ которыхъ мы видимъ, достигшихъ до блистающей знатности, были наши сверстники и наши подчиненные. Они достигли щ-

стія своего, не искавши, противъ воли ихъ дѣлаютъ знатными; а насъ сіе безпокоитъ.

Древніе люди справедливо клали зеркало у ногъ фортуны; когда находятся въ знатномъ состояніи, тогда бѣгаютъ себя, боятся на себя смотрѣть, и о себѣ не пекутся: многія бы причины уменьшили то воображеніе, которое мы о щастіи своемъ имѣемъ; убѣгаютъ встрѣчаться и съ тѣми, которые щастія лишились. Нещастія другихъ долженствовалибъ исцѣлять насъ отъ высокомѣрія; но увы! они только болѣе насъ надмеваютъ. Высокомѣрный представляетъ себѣ фортуну такою постоянною богинею, которая никогда ему не измѣнитъ. Худые случаи думаетъ отъ себя быть отдаленными, а хорошихъ успѣховъ надѣется; можно ли льстить себя столько? Надобно глаза только открыть, чтобъ увидѣть въ упадкѣ придворныхъ, въ ненависть пришедшихъ Министровъ, и униженныхъ знатныхъ, отъ собственнаго ихъ дерзновенія, или отъ своенравія Принцовъ. Сей щастливой ничего этого не видитъ; положилъ онъ зеркало у себя подъ ногами, или лучше сказать, онъ ослѣпился.

Саллюстій объявляетъ, что фортуна владычествуетъ надъ всѣмъ, что она всѣ вещи дѣлаетъ славными, или ихъ помрачаетъ, болѣе отъ своенравія, нежели по справедливости: это истинна, что того

уже нѣтъ, что миновалось: фортунажъ не можетъ ни дать человѣку искусства, ниже отнять у него оное; тожъ разумѣется о честности, и другихъ хорошихъ душевныхъ качествахъ. Я о щастіи говорю такъ, какъ о немъ разсуждаютъ въ свѣтѣ, утверждаясь на тѣхъ правилахъ, о которыхъ я упоминалъ, то есть: что человѣкъ достигши знатности, оказываетъ себя разумнымъ съ тѣмъ, чтобъ до большей знатности еще достигнуть? Для чего иной лишась хорошаго мѣста, показываетъ себя не въ состояніи поправиться отъ своего паденія? Отъ чего добродѣтельной сей простолюдинъ въ щастіи себя испортилъ; а сей дѣльной человѣкъ предъ симъ столь пронырливой, теперь же до крайности дошедшій, сталъ безразсуденъ и безпопечителенъ; признаемъ же власть фортуны какъ надъ великими чинами, такъ и надъ великими господами.

Я ничего не нахожу, чтобъ было болѣе подвластно щастію, какъ добродѣтель. Перемѣны, происходящія отъ ней, не въ томъ только состоятъ, чтобъ недостойнаго сдѣлать знатнымъ, но еще и разумнаго и добродѣтельнаго человѣка жестокимъ и безбожнымъ; это обыкновенная щастія шутка.

Щастіе дѣлаетъ насъ не благодарными, безобразными и не милосердыми: рѣдко производитъ она знатное дѣло, не произведя жестокосердаго урода, и совершенно

усумнятся, чтобъ добродѣтель была въ ея власти?

Люди хотѣли бы, чтобъ щастіе желанія ихъ предупреждало: умедленіе его ихъ оскорбляетъ. Въ одинъ день хотѣлибъ они достигнуть тѣ чести, до которыхъ чрезъ многолѣтные труды доходятъ; желалибъ они получить богатства, какъ скоро ихъ захотѣли. Не такимъ порядкомъ идутъ дѣла въ свѣтѣ. Надобно время, чтобъ оными наслаждаться, владѣютъ оными только минуту, и скоро ихъ опять теряютъ. Вотъ естьли не извѣстны вамъ правила къ достиженію знатности, и сколь долго оная продолжиться можетъ.

Есть нѣкоторое особливое усердіе, которое удостоиваетъ насъ милости фортуны. Она съ пренебреженіемъ смотритъ на тѣхъ, которые ослабѣваютъ, а требуетъ тщательныхъ людей, которые бы богатства ея прилѣжно сыскивать старались; инакожъ она огорчившись дѣлается непріятельницею къ безпристрастному, довольно наказанному за его холодность, отказаніемъ успѣха во всѣхъ его предпріятіяхъ.

А хотя видимъ, что она награждаетъ благодѣяніями своими и не усердныхъ, которые того не заслужили: изъ того еще не можно ничего разсуждать о ея благосклонности: тогда прославляется она только своимъ великодушіемъ, награждая впередъ за будущія ихъ попеченія.

Всѣ

Всѣ безъ изъятія пекутся о своемъ щастіи. Естьли безъ труда онаго достигаютъ, то съ трудомъ удерживать его могутъ. Одно стоитъ другаго.

По большей части не достаетъ у людей двухъ вещей въ щастіи. У однихъ того, чтобъ изрядно его пріобрѣсть; а у другихъ, чтобъ разумно имъ пользоваться.

Я не дивлюсь щастію богатыхъ людей, а дивлюсь только тому, какъ они его употребляютъ. Хвала, которую имъ воздаютъ, мнѣ не кажется, естьли мнѣ не скажутъ, что они тѣмъ пользуются съ особливою умѣренностію.

Сколь много возвышенныхъ людей, у которыхъ не достаетъ только одной вещи, и точно той, отъ которой зависитъ ихъ благополучіе, то есть, умѣренности.

Бездѣлица споспѣшествуетъ нашему возвышенію, малость же самая и погибель нашу совершаетъ. Сдѣлавъ нѣкоторое угожденіе знатному господину, оказавъ нѣкоторую прилѣжность или радѣніе къ его услугѣ, а многіе и того не сдѣлавъ произощли; толикоежъ число людей и въ нещастіе пришли отъ недостаточныхъ поступокъ, отъ малой неосторожности, или отъ нѣкоторой холодности въ почтеніи.

Засыпать въ щастіи, думать, что ни въ чемъ нужды не будетъ, и жить въ не нарушимой шитинѣ, съ восхищеннымъ серд-

цемѢ вѢ изобилiи щастiя: не самой ли истинной Квiэтизмѣ.

Фортуна ничего не даетѣ, но только на время ссужаетѣ: она на другой день требуетѣ у своихѣ любимцовѣ того, что казалось она на вѣкѣ имѣ отдавала.

Самыя темныя ночи послѣ ясныхѣ дней бываютѣ. Буря вдругѣ сдѣлается при самой тишинѣ и ясности неба. Слабое изображенiе пышностей свѣта, благополучiе человѣческое по видимому не нарушимое, разрушается однакожѣ вѣ кратчайшее время, нежели я о немѣ выговорилѣ.

Когда долговременная и пріятная жизнь, веселые годы, и благополучные вѣки вѣ книгѣ премудрости сравнены только сѣ тѣнью, которая уходитѣ; сѣ вѣстникомѣ, которой исчезаетѣ; сѣ кораблемѣ, которой быстрыя водѣ раздѣляетѣ; сѣ птицею, которая слѣдовѣ не оставляетѣ; сѣ стрѣлою, которая воздухѣ тонко разсѣкаетѣ: кѣ чемужѣ примѣнимѣ мы щастiе, которое такѣ мало продолжается вѣ жизни нашей, или лучше скажу, которое не продолжается болѣе одной минуты? Я довольно то испытать могѣ.

Когда мы упадаемѣ, то обыкновенно сами бываемѣ тому причиною; когдажѣ восходимѣ, то рѣдко, чтобѣ мы благополучiю сему собственною своею заслугою споспѣшествовали.

На-

Напрасно въ своихъ безпорядкахъ на другихъ пеняютъ. Мы жалуемся на злость завидливыхъ, на легкомыслiе принцовъ; представляемъ забытыя услуги, пренебреженныя знатныя дѣла, не справедливую немилость, и продолжительное нещастiе; но можемъ ли мы сказать, чтобъ мы того не заслужили? Заслуги наши столько ли знатны, чтобъ въ вѣкъ за то награждаемы были? Услуги сiи, которыя мы столько превозносимъ, славныя сiи дѣла, которыми мы хвастаемъ, такъ ли порядочны были, чтобъ намъ ни чѣмъ себя упрекнуть было не можно? Терпимъ мы долгое время, но чтожъ сдѣлали мы, чтобъ не терпѣть болѣе? Наши безпрестанныя роптанiя, злорѣчiе наше противъ Принцовыхъ поступокъ, покушенiя наши къ погибели искреннихъ нашихъ пріятелей производятъ ли въ насъ раскаяніе?

Найдется ли хотя одинъ придворной, который бы чрезъ гордость въ благополучiи, и роптаніе въ нещастiи, чрезъ невѣрность своему Принцу, или своимъ пріятелямъ, не доводилъ самъ себя до перемѣны своего щастiя?

Съ какою жалостiю могутъ описывать свое нещастiе, дабы другихъ тѣмъ побудить къ сожалѣнiю! я всего лишился, говоритъ нещастной, и фортуна навела мнѣ только жестокое отчаяніе. Когда такъ отчаяваются, то оное не отъ того, чтобъ

не было никакой надежды, но болѣе отъ того, что всего имѣнія потерять боятся.

И самые нещастнѣйшіе люди не могутъ сказать, чтобъ нещастіе ихъ подлинно было великое; ежели это такъ, то для чего говорить, что совсѣмъ пропали?

Лишась чести, имѣютъ богатство, богатство потерявъ, бываютъ здоровы, наконецъ и здоровье потерявъ, имѣютъ познаніе истинны. Чтожъ было бы, естьлибъ съ лишеніемъ чести и богатства, страдая притомъ въ безчисленныхъ болѣзняхъ, и не познавать Бога? Вотъ, что я почитаю подлиннымъ нещастіемъ.

Нѣтъ посредственнаго паденія для высокихъ особъ. Естьли они упадаютъ: то упадаютъ уже стремительно; потрясенія ихъ жестоки, низверженіе ихъ дѣлаетъ великой громъ; мученіяжъ, которыя они претерпѣваютъ въ нещастіи, превосходятъ пріятности прежняго ихъ состоянія. Могущіе могущую и казнь пріимутъ. Истинна сія пребываетъ какъ въ семъ, такъ и въ будущемъ вѣкѣ.

Конечно противъ меня роптать будутъ, естьли я предпріиму доказывать, сколь нещастенъ тотъ, кто никогда не щастливъ не былъ. Ничто такъ не справедливо, какъ это. Сенека прежде меня уже о томъ сказалъ, и никто мнѣнію его не прекословилъ. Ощущаютъ ли сладости благо-

благополучія, которое шло ненарушимо? Не испытавъ суровостей нещастія, могутъ ли обладать собою въ благополучіи? Нѣтъ, конечно не могутъ.

Это не наслаждаться веселіемъ, когда въ немъ быть безпрерывно; не испытавъ огорчительныхъ минутъ, въ половину только чувствуютъ сладость пріятнаго время.

Опытъ нещастій, случающихся въ свѣтѣ, пріучаетъ насъ терпѣливѣе сносить оныя. Щастливымъ людямъ, которые къ изобилію привыкли, наималѣйшее нещастіе болѣе чувствительно, нежели другимъ саможесточайшія печали. Знаете ли для чего? Я васъ тотчасъ увѣдомлю. Надобно тогда укрѣпить себя терпѣніемъ, оставить самолюбіе, и привести себя въ тупосредственность, которая до того была не извѣстна, утѣшиться въ своихъ нещастіяхъ, и поставлять себѣ благополучіемъ то, что не сноснымъ казалось; все оное стоитъ не малаго терпѣнія.

Я жалѣю о тѣхъ, которымъ всегда щастіе служило. Въ семъ спокойномъ состояніи возбуждаются страсти, сластолюбіе беретъ власть, сердце становится домомъ гордости, умираютъ въ семъ жалкомъ унынiи, естьли не бываютъ наказаны нещастіемъ.

Хорошіе успѣхи портятъ, мало людей достигаютъ чести, не отступая отъ до-

добродѣтели. Маложъ въ высокихъ чинахъ соблюдаютъ и ту доброжелательную склонность, которая была природна. Щастливой думаетъ, что онъ только для себя родился, и для себя одного дѣлается полезнымъ.

Достигая до той степени чести, въ которой находятся, съ пріятностію отправляютъ свою должность: добродѣтель отъ щастія перемѣнилась. Болѣе становятся безбожными, нежели были добродѣтельны. Бываютъ горды чрезъ мѣру, скупы, или совсѣмъ роскошны, уже не таковы бываютъ, какъ были прежде, къ возвращенію своей прежней добродѣтели, нещастіе необходимо потребно.

Тѣ, которыхъ щастіе унизитъ, приходятъ иногда въ свои границы; тѣжъ, коихъ оно ласкаетъ, скоро выходятъ изъ оныхъ, и не инако опять въ нихъ вступаютъ, какъ чрезъ приключившееся имъ вновь нещастіе.

Во всякомъ недостаткѣ есть нѣкоторое изобиліе. Чегобъ не доставало у такого человѣка, которой ничего не имѣетъ? Всего. И это самое чинитъ его совершенно богатымъ, по тому что не имѣетъ онъ сокровищь, которыябъ его безпокоили, ни чиновъ, которые имѣя, надлежитъ заботиться, ни веселостей, которыхъ грѣховное наслажденіе сердечное мученіе емубъ наносило. Разсужденіе сіе не приходитъ

на

на умѣ тѣмъ, которые не за велико почитаютъ выгоду отъ страстей изъятаго сердца.

Въ изобилiи же богатствѣ есть не прерывныя бѣдствiя, и ужасная пустота удовольствiя. Всего не достаетъ у такого человѣка, которой все имѣетъ. Изобиліе умножаетъ только ненасытное его желаніе. Чѣмъ болѣе онъ имѣетъ, тѣмъ болѣе желаетъ. Желанія его замѣшательство ему наводятъ, наслажденія его не насыщаютъ, завидуетъ тому, чего у него нѣтъ; а что есть, тѣмъ не доволенъ. Не справедливо ли первое мое разсужденіе?

Тысяща человѣкъ лишались славы, и ежелибы щастіе опять къ нимъ пришло, конечноб ужѣ они его хранили, какъ бы оно ихъ ни изгоняло. Легко можно узнать тому причину. Хорошая жизнь въ разслабленіе иныхъ приводитъ; другіежъ упрямо слѣдуя своей судьбинѣ, утверждаютъ о себѣ то хорошее мнѣніе, которое объ нихъ имѣютъ.

Нещастіе показываетъ намъ въ точность человѣка; открываетъ оно намъ великость души его; напротивъ же того щастіе показываетъ только, что онъ благополученъ. Прежде упадка Саніонова, знали ли твердость его духа и безпристрастіе къ блистающимъ вещамъ? Почитали его богатымъ, сильнымъ, а не болѣе.

На-

Надобно имѣть болѣе мужества къ перенесенію радости, происходящей отъ великаго щастія, нежели терпѣнія въ жестокомъ нещастіи. Здѣсь нѣтъ горести, которая бы не имѣла утѣшенія, и нѣтъ наслажденія, которое бы не подвержено было печали. Нещастной утѣшается, когда печаль его проходитъ, и даетъ наступать малой отрадѣ; тотъ же напротивъ того, которой думалъ, что щастіе будетъ ненарушило, сердится и себя безпокоитъ, почитаетъ за крайнее непостоянство наималѣйшую онаго перемѣну.

Нещастіе разумнаго человѣка никогда не можетъ быть велико. Онъ при отчаяніи самъ въ себѣ находитъ утѣшеніе. Разсужденія и разговоры, которые онъ можетъ имѣть о своихъ нещастіяхъ, также примѣры злоключенія, которые онъ себѣ представляетъ, всѣ свѣтскія перемѣны, неудобность отвращать худые успѣхи, и невозможность удерживать великое щастіе; все сіе производитъ въ немъ неисчерпаемой ключь утѣшенія, котораго нѣтъ у людей не столь разумныхъ. Тѣ, которые позорище свѣта пріятнымъ себѣ воображаютъ, увеличивая онаго тлѣнность, тщетно разсуждаютъ о пріятностяхъ его, и не могутъ умѣрить печали увеличенной словами.

Когда вы не щастливы, то о настоящихъ своихъ благополучіяхъ такъ худо

худо себѣ представьте, чтобъ вы увѣриться могли, что и имѣючи оныя, вы бы только слабыя выгоды имѣли.

Видѣвъ себя въ изобиліи, ослѣпляются въ собственныхъ своихъ надобностяхъ, дѣлаютъ себѣ пустыя воображенія, не радѣя о истинныхъ; упадши же видятъ, что не снабдѣвали себя потребнымъ.

Кто безъ наглости жилъ въ щастіи, тотъ легче можетъ сносить нещастіе. Умѣютъ сносить нещастія, когда благополучіемъ своимъ наслаждаться умѣли.

Сколь похвально разумну быть въ великомъ щастіи, столько достойно и мужество въ снесеніи нещастія.

Хорошіе успѣхи побуждаютъ тщеславныхъ предпринимать тѣжъ мѣры, чрезъ которыя они достигли до высокой степени. Но паденія не напоминаютъ имъ, что и съ ними нещастіе послѣдовать можетъ. Кто видитъ довѣренность Сеяна, богатства Крезусовы, благополучіе Югурты, старается быть столькожъ могущимъ, богатымъ и щастливымъ, не думая умѣрять себя въ возвышенномъ состояніи, хотя знаютъ каковы были конецъ Сеяна, мученіе Крезусово, посрамленіе и плѣнъ прочихъ.

Нещастные посмѣяны бываютъ. Весь свѣтъ равно со мною знаетъ тому причину. Почитаютъ только тѣхъ, которые служить могутъ. Достоинствомъ на-

зываютъ, кто хитростію происходитъ, а нещастіе въ порокъ вмѣняютъ.

Я ничего теперь не помню, какъ только что я раздавалъ, говорилъ Маркъ Антоній, дабы утѣшить себя въ нещастіи. Позабываютъ великодушными себя вести въ благополучіи; думаютъ не поколебимыми быть въ щастіи; не радѣютъ снискивать пріятелей, но сколько же сурово и наказаны они бываютъ за свое корыстолюбіе, пришедъ въ нещастіе, всякая помочь тогда потребна, но никто уже къ тому не явится. Тѣ, которымъ многія добродѣтели оказаны, чуть чувствуютъ паденіе своего благодѣтеля: чегожъ ожидать отъ тѣхъ, коихъ пренебрегали, или никакихъ услугъ имъ не оказали?

ГЛАВА. 14.

О

Гордости и честолюбіи.

Ничто не можетъ такъ быть не сносно, какъ гордость щастіемъ подкрѣпленнаго человѣка; благополучіе его восхищаетъ; онъ глупъ и презирающъ; доступъ къ нему труднѣе нежели къ Государю; милость, которая отъ него зависитъ, снискивается чрезъ долгое время чрезъ безпрестанныя униженія и чрезъ многія прозьбы.

Го-

Гордость знатныхъ людей сносно быть можетъ; природа извиняетъ ихъ высокомѣріе; какъ съ ними не имѣютъ тѣснаго обхожденія, то и не удивительно, что они рѣдко сообщество имѣютъ. Но оное не простительно такому человѣку, которой къ недостаткамъ грубаго воспитанія пріобщаетъ и тѣ, которыя въ знатности имѣютъ.

Негодуютъ на суровой пріемъ сего судьи, которой изъ купечества попалъ въ господство; жалуются на суровость сего Рентъ-мейстера, кот рой только что служить на́чалъ: такіе-то люди и не приступны.

Хвастунъ превозносится бездѣлкою. Вы по комнатамъ узна́ете сына *Сантипатерона*, которой съ пренебреженіемъ смотритъ на тѣхъ, которые хуже его камзолы на себѣ имѣютъ. Сумазбродной приходитъ въ церковь съ множествомъ молодыхъ боярынь. Не надобно стульевъ, кричитъ онъ, не подавайте никому, чтобъ изъ того ни послѣдовало, я такъ хочу! Ему стулъ приносятъ; онъ садится и насмѣхается въ глаза тутъ стоящимъ. Другой же въ комедіи занимаетъ мѣсто на театрѣ, заплатя два ефимка, и съ пренебреженіемъ смотритъ на партеръ. Вотъ изрядные примѣры тщеславія!

Можно ли быть не справедливѣе сего вѣка, гдѣ ученой не отмѣне́нъ отъ про-

столюдина, умной отъ дурака; о семъ то объявляетъ упрежденный своимъ достоинствомъ авторъ. Прямо можно обличать нравы своего вѣка, не похлебствуя несправедливости безпристрастіемъ, которое извинительно быть не можетъ. Самые гордѣйшіе не похвалятъ въ другихъ надменность. Чѣмъ больше мы собою надуты, тѣмъ больше гордость другихъ намъ не сносна. Желая надъ всѣми превознестись, не стерпимы усильствія тѣхъ, кои сами надъ нами возмѣриться желаютъ.

Напрасно нещастные себя превозносятъ. Они съ досады говорятъ, будто они ни въ комъ нужды не имѣютъ. Въ нещастіи во всѣхъ есть нужда, въ однихъ для утѣшенія, а въ другихъ для дѣйствительнаго вспоможенія своимъ нещастіямъ.

Я лучше извиняю гордость нещастныхъ, нежели благополучныхъ людей. Это утѣшеніе, котораго не надобно лишать первыхъ: а въ другихъ это гордость, которую терпѣть не можно; я имѣю нещастіе, только кажется, что я оному не причиной, такъ первые разсуждаютъ. Можетъ быть, что то и правда. Я сдѣлался знатнымъ человѣкомъ, и я того достоинъ, объявляютъ послѣдніе: какая эта не справедливая надменность!

Намъ кажется, что мы довольно сильны, чтобъ противиться главнымъ страстямъ, которыя обладаютъ сердцами щастли-

стливыхъ. Не будемъ полагаться на наши разсужденія, мы горды, не хотя быть таковыми.

Все, что можетъ возбудить удивленіе, возбуждаетъ и желанія наши. Мы ищемъ великости, чтобъ имѣть участіе въ похвалахъ, которыя приписываются большимъ людямъ. Естьлибъ намъ въ томъ отказали, то бы честолюбіе наше миновалось посреди изобилія и веселостей.

Естьлибъ честолюбивой не имѣлъ удивляющихся ему, страсть его скоро бы простыла.

Человѣкъ, гордостію надменный, извиняетъ свое дерзновеніе, называя его благопристойностію.

Многіе Историки примѣчаютъ, что въ древнихъ тріумфахъ два человѣка предшествовали побѣдителевой колесницѣ. Одинъ несъ мертвую голову, а другой нарисованнаго павлина, повторяя часто, *вспомни, что ты человѣкъ*, какъ будтобы они давали знать герою, чтобъ онъ былъ презрительнѣе мертвой головы, естьлибъ гордостію уподоблялся павлину. Полезное разсужденіе въ день побѣды! Король, которой бы слушалъ, какъ славныя его дѣла воспѣваютъ, восхищался бы только суетою, напамятованіе о смерти весьма тогда нужно бываетъ.

Естьлибѣ дозволено было мнѣ сказать, что значатъ сіи слова, *вспомни, что ты человѣкъ*, я бы сказалъ то, что ласкательство никогдабѣ не осмѣлилось сказать: *вспомните, что вы человѣкъ*, то есть, вспомните, что слава, окружающая васъ, вдругъ исчезнетъ; приписуемые въ честь вамъ титулы, состоятъ только изъ тщеславія, съ ними вы умрете, такъ какъ и они съ вами исчезнутъ; завтра можетъ быть вы будете въ послушаніи у тѣхъ, которыми вы повелѣвали. *Вспомните, что вы человѣкъ*, то есть, увѣрьтесь совершенно, что не можно полагаться на то, что съ такою ясностію въ глазахъ вашихъ блистаетъ; храмы вамъ посвященные; статуи въ память вамъ поставленныя не долго пробудутъ, а вы и того меньше проживете. *Вспомните, что вы человѣкъ*, то есть: вспомните, что между вами и послѣднимъ вашимъ подданнымъ состоитъ весьма малая разность; смерть побѣдитъ васъ гордливѣе, нежели вы своихъ непріятелей; она положитъ васъ въ гробницу со всею вашею силою и славою: вотъ, что объяснить хотѣли языческимъ побѣдителямъ! Сія рѣчь, сказанная Христіянскому Государю, имѣетъ большее знаменованіе. *Ему вспомнить, что онъ человѣкъ*, то есть, сказать ему, что онъ памятовать долженъ, что Богъ спроситъ отъ него отчета, какъ онъ употреблялъ власть свою, богатства, чести,

сти, и что какъ бы онъ великъ ни былъ, а предъ Богомъ столько великъ будетъ, сколько онъ себя могъ унизить.

Разсужденіе сіе справедливо, только не всѣмъ понравится, я то знаю.

Я не запрещаю большимъ людямъ любить славу, а хулю только чрезмѣрное тщеславіе, которое побуждаетъ ихъ снискивать беззаконную и развратную славу: *Я не съ тѣмъ въ Персію пріѣхалъ, чтобъ тамъ найти сокровища*, говорилъ Александръ Парменіону, *а пріѣхалъ только туда снискать славу; возми всѣ богатства, а мнѣ оставь всю славу.* Слова сіи очень хороши въ языческомъ Государѣ, котораго скупость не могла истребиться, какъ тщеславіемъ. Пренебрегать богатство, есть свойство великаго духа; но уничтожая его, принимать за то похвалу, и то за добродѣтель у древнихъ героевъ почиталось, что однакожъ хулы достойно. Тщеславнымъ почли бы нынѣ того Государя, которой бы такъ сталъ отзываться: Дивилися сему въ Александрѣ, похваляли его храбрость, возвышали его безкорыстіе; да и льстецъ сказалъ бы тоже.

Законъ подавая намъ точное понятіе о добродѣтели, открываетъ великіе недостатки Александровы. Примѣчается въ немъ не умѣренное желаніе казаться великимъ, и чтобъ его несравненно почитали,

пренебрегая всѣхъ другихъ вообще; въ христіанствѣ нѣтъ такихъ добродѣтелей.

Тщеславной приписываетъ себѣ щастливые успѣхи, а не удачливыя предпріятія повергаетъ на мнимую фортуну.

Желать первыхъ мѣстъ, не разсуждая о пространствѣ своего достоинства, не разсмотря своихъ качествъ, не призная свою неспособность, вотъ свойства честолюбиваго человѣка!

Часто принуждены бываютъ остаться въ посредственномъ состояніи, допустя своему тщеславію безполезно вознестися.

Одинъ Римской губернаторъ изъ Либіи послалъ депутата къ Маріусу съ запрещеніемъ не въѣзжать въ провинцію. Маріусъ отвѣтствовалъ ему: *скажи Секстиліусу, что ты видѣлъ Маріуса, сидящаго въ развалинахъ Карѳагена.* Какъ сіе позорище ужаснымъ должно показаться честолюбію! Что могло поразить гордость отважнаго человѣка? Видѣть щастливаго Маріуса игрушкою щастія: ктожъ послѣ того можетъ положиться на непоколебимость своего щастія? Онъ показывалъ себя примѣромъ превратнаго щастія; въ сихъ развалинахъ велерѣчиво онъ говорилъ о гордыхъ: гдѣжъ тѣ, кои пользовались его наставленіями? Маріусъ, сидящій въ развалинахъ Карѳагена, гордой побѣдитель, доведши до нещастія побѣжденныхъ, обладатель свѣта безъ силы, наисильнѣйшій

шій городъ засыпанъ въ своихъ развалинахъ! не справедливо думаютъ не покслебимыми быть въ щастіи! въ хорошихъ успѣхахъ на другихъ не смотрятъ, а только по себѣ разсуждаютъ, это еще за всеобщее почѣсть не можно, что дѣлали Кесарь, Александръ и Помпей, а только слава ихъ не поколебима остается.

Александръ, шествуя въ Персію, обходитъ весь свѣтъ: тщеславіе показываетъ ему число непріятелей его очень мало, обширность моря очень узку, и свѣтъ весьма стѣсненной въ своихъ границахъ. Помпей идетъ въ Гишпанію воевать съ Серторіусомъ, обращаетъ въ бѣгъ морскихъ разбойниковъ, проходитъ Африку, вступаетъ въ Арменію, гонитъ Митридата въ Азію, и нѣтъ мѣста, кудабъ тщеславіе его не заводило.

Мы такъ заражены ложными сими примѣрами добродѣтели, что молодымъ людямъ оные въ примѣръ поставляемъ. Предложимъ имъ униженіе побѣдоносца Давида, благочестіе въ благополучіяхъ Іосіи, и сожалѣніе Манассіи послѣ своей гордости, разумную храбрость Маккавея, благодарность знатныхъ побѣдителей, которыхъ святое писаніе похваляетъ: вотъ стези, по которымъ они слѣдовать должны!

Одинъ проступокъ въ большее безславіе приводитъ гордыхъ, нежели тысяща оказанныхъ добродѣтелей.

Тщеславные рѣдко смотрятъ на нещастіе другихъ; отъ того ль, что они льстятъ себя, думая, что все отъ нихъ зависитъ? Или отъ того, что думаютъ отвратить отъ себя все нещастіе, однакожъ они тѣмъ только дерзновеннѣе становятся?

Ктобъ не сказалъ, что смерть Аннибала не сдѣлаетъ никакой перемѣны въ Сципіоновомъ разсудкѣ? Однакожъ онъ отъ того не менѣе сталъ дерзновенъ. Сципіонъ умеръ, Помпей увидѣлъ его славу поверженную въ гробницу; однакожъ онъ не менѣе восхищался быть великимъ? И помпей умеръ въ свое время; Кесарь видѣлъ тѣло свое волнами носимое, и море какъ будтобы съ пренебреженіемъ выкинуло его на берегъ: какой бы онъ примѣръ могъ взять отъ сего нещастія? Кесарь ненасытный тою же славою, прекратилъ мучительно дни свои отъ рукъ измѣнниковъ. Тѣжъ, кои послѣ его управляли республикою, исправилиль свое тщеславіе?

Посредственные люди, видя опасность высокихъ чиновъ, въ разсужденіи безпокойства ихъ не желаютъ; а большіе, избѣгая оной же опасности, не научатся уничтожать высокіе степени.

Власть Принца достигаетъ до своего совершенства; онъ наслаждается всею славою,

вою, какою бы почтить можно достоинство человѣка. Сей Принцъ съ тѣмъ ли остается? Нѣтъ ли еще больше славы къ его пріобрѣтенію? Нѣтъ: ему только та слава остается, чтобъ себя унизить, и сдѣлаться покорнымъ.

ГЛАВА 15.

О

Зависти.

Когда Христофоръ Колумбъ нашелъ Америку, тогда завистники говорили: это не мудрено, чтобъ побывать въ разныхъ мѣстахъ? И мы бы тожъ сдѣлать могли. Нѣтъ, отвѣчалъ имъ Колумбъ: кто изъ васъ поставить можетъ яицо на острой конецъ. Никто изъ нихъ не могъ того сдѣлать, а Колумбъ разбивши объ столъ оной конецъ у яица, оное на столъ поставилъ. Тогда вторично всѣ сказали, это бы и мы легко сдѣлать могли. Однакожъ, отвѣчалъ онъ, никто изъ васъ не догадался, такъ и мнѣ удалось прежде васъ найти Америку.

Зависть заставляетъ всѣхъ такъ злословить, какъ глупцы сіи ополчались помрачать славу Колумба.

Человѣкъ выдумаетъ нѣкоторую тайну: это то искусство, говоритъ завидливой? и я бы это могъ сдѣлать. А только бы

сего несмысленнаго испытать одною бездѣлкою, конечноѣ онѣ вѣ томѣ посрамился.

Стихотворецѣ напишетѣ хорошіе стихи, ораторѣ скажетѣ изрядную похвальную рѣчь; знающіе ихѣ похвалятѣ, хулитель же инако о томѣ разсуждать станетѣ: онѣ скажетѣ, что не мудрено было этотѣ соннетѣ сдѣлать, а это сочиненіе краснорѣчія ничего чрезвычайнаго вѣ себѣ не заключаетѣ; дайтежѣ этому мнимому остроумцу написать только цыдулку, увѣряю, что онѣ вѣ замѣшательство отѣ того прійдетѣ.

Зависть насаждаетѣ вѣ насѣ такіе пороки, которые, можетѣ быть, никогда вѣ насѣ не бывали.

Достоинство не всегда заглаживать можетѣ то, что вѣ предосужденіе наше сказано бываетѣ, для того, что зависть помогаетѣ вѣрить не только разсѣянному злорѣчію, но и всему тому, что выдумать можно. А одно главное достоинство и совершенная добродѣтель, которыя свободны могутѣ быть отѣ всякаго оклеветанія.

Какѣ бы намѣ ни хвалили того, кого мы ненавидимѣ, зависть заставляетѣ насѣ вооружаться противу тѣхѣ, которые его похвалятѣ.

Зависть не щадитѣ и самыхѣ добродѣтельныхѣ; естьли ихѣ не злословятѣ, то по меньшей мѣрѣ ихѣ не похваляютѣ.

Въ разсмотреніи разумныхъ сочиненій лесть или зависть, владѣютъ разсудкомъ судящихъ, первая въ пользу знатныхъ, а другая въ поругательство маломощныхъ.

Зависть въ тотъ часъ вооружается, какъ скоро новая книга въ свѣтъ выйдетъ. Съ какою нетерпѣливостію желаютъ ее видѣть? но прежде, нежели еще въ рукахъ ее имѣютъ, намѣряются ее критиковать. А естьли находятъ въ оной много весьма хорошаго и полезнаго, то съ досады выдумываютъ всякія средства къ предосудительнымъ толкамъ онаго. Предупрежденіе вмѣшиваясь въ сіе дѣло, снабдѣваетъ критику оружіемъ: безъ всякаго разсмотренія осуждаютъ невинную ту книгу. Сколькожъ, естьлибы могли говорить книги, требовали бы милосердія за вредныя о нихъ разсужденія и толки.

Можно сдѣлать такое, что критика похваляетъ, зависть же ни чѣмъ не бываетъ довольна: справедливый критикъ похваляетъ стихи, естьли они хороши, завистливый же хулитъ въ запятыхъ и въ точкахъ. Критикъ судитъ съ справедливостію о порокахъ и о добродѣтеляхъ, завистливый же и самую малѣйшую ошибку поставляетъ въ не простительный проступокъ; а естьли не льзя ему хулить дѣйствіе, которое онъ видитъ, то осуждаетъ и опровергаетъ побудившія къ оному причины, коихъ никто не предусматриваетъ.

Хо-

Хотя иногда и искренно признаемся мы въ достоинствахъ другаго, однако признаніе сіе можетъ быть дѣйствіемъ зависти. Прискорбно бываетъ намъ видѣть, что другихъ лучше насъ почитаютъ. Сколько такихъ людей, которые честностію мудрыхъ и разумныхъ побуждаются къ таковымъ сожалѣніямъ?

Кто на благополучіе другихъ можетъ взирать безъ зависти, тотъ щастливѣе и тѣхъ самихъ, которыхъ состоянію завидовать можно.

Не мало я тому удивляюсь, что зависть, будучи недостаткомъ малыхъ умовъ, столь искусна.

Художникъ опорочиваетъ художника, купецъ обвиняетъ сосѣда своего обманомъ, ученый не любитъ того, чтобы его кто помрачалъ, разумный человѣкъ не терпитъ тѣхъ, которые къ удивленію и почтенію побуждаютъ, судья сомнѣвается въ честности и справедливости другихъ судей, придворный человѣкъ презираетъ тѣхъ, кои тѣ же преимущества, какъ и онъ, имѣютъ. Что же изъ сего заключить должно? То, что зависть всюду вкрадывается, и что число завистливыхъ безконечно.

ГЛАВА 16.

О

Сатирѣ и поношеніи.

НикакЪ не возможно оставить людей вЪ покоЁ, по тому что всегда есть какой нарушитель всеобщаго спокойствія, или какой непремиримый непріятель человѢческаго рода, который неусыпно старается о продолженіи войны, кою оному критика объЁявила.

Сатира есть дѢло рукЪ злости, или по крайней мѢрѢ разумная насмѢшка, которая должна отвращать, чтобы тому не вѢрили, что авторЪ пишетЪ вЪ своемЪ восторгѢ.

Прежде, нежели все смѢшное и безобразное вЪ порокахЪ разсмотритЪ, которая матерія никогда неистощима, пройдетЪ множество вѢковЪ, по тому что всякій вѢкЪ имѢетЪ свои недостатки.

Скорѣе можно окончать двадцать сатирЪ, нежели найти матерію кЪ одному похвальному сочиненію, по тому что добродѢтели подаютЪ оной не столько, какЪ пороки.

Есть такіе пороки, которые мода уменьшаетЪ; однако Сатира ихЪ не щадитЪ: ибо она и самой моды не похваляетЪ.

Быть СатирикомЪ, и быть ИсторикомЪ, суть двѢ вещи между собою не не со-

согласныя. Добродѣтели героевъ распознаютъ гораздо лучше, когда недостатки другихъ людей различать умѣютъ.

Мы любимъ Сатиру, однако не должна она насъ язвить.

Хотя какое сочиненіе достигло совершенства, однако мы его отвергаемъ, естьли изображенія, представляемыя въ ономъ о порокахъ, сходствуютъ нѣкоторымъ образомъ съ нами. Похваляемъ только ту Сатиру, которая насъ щадитъ, а строго поступаетъ съ другими.

То, что сдѣлано на женъ, нравится мужьямъ: что же написано на мужей, то пріятно женщинамъ.

Болтливаго комедіанта охотнѣе слушать, нежели мужа ученаго; ядовитыя Сатиры, пріятнѣе сладости евангельской: Сіе затворяетъ очи наши отъ слабостей ближняго, и обращаетъ насъ на недостатки наши; та же ослѣпляетъ насъ и въ разсужденіи насъ самихъ, и даетъ намъ проницательный взоръ, дабы удобнѣе могли мы проникнуть въ несовершенство другихъ людей.

Молчите, когда ни о чемъ иномъ говорить не можете, какъ только о недостаткахъ тѣхъ, коихъ глупые поступки насъ смущаютъ и искушаютъ.

Сатира выходитъ въ свѣтъ: авторъ оной такой человѣкъ, котораго Государь и придворные знаютъ. Вымышленныя и-

имена, подъ которыми скрываетъ онъ какого смѣшнаго піита, младаго и гордящагося Музикуса, не знающаго невѣжу, подаютъ поводъ къ великому множеству дерзновенныхъ разсужденій. Читатели, къ рѣшеніямъ жадные, увѣряютъ, что намѣреніе было говорить о такомъ то и о такомъ человѣкѣ. Сіи предчувствованія подтверждаются, разносятся и размножаются: радуются, что сіи догадки пріемлются въ собраніяхъ свѣтскихъ людей. Переносятъ ихъ изъ бесѣды въ бесѣду, изъ мѣста въ мѣсто; всякой дѣлается почитателемъ искусной насмѣшки; проникаютъ въ оную, объявляютъ оную истинною, похваляютъ того, который хвастаетъ, что отъ оной ключь имѣетъ: такимъ образомъ переходитъ наказанія достойное удивленіе, цѣлый городъ наполняется не чувствительно сими слухами. Кого же обвинять симъ безпорядкомъ? Читатель есть сообщникъ, естьли въ томъ есть погрѣшеніе Піитово.

Тревожиться сатирою, въ которой себя представленна быть чаешь, есть слабость. Кто вамъ сказалъ, что это Ѳеофрастъ точно васъ изобразилъ въ своихъ нравахъ и обычаяхъ? Развѣ онъ васъ написалъ, вашу фамилію? Нѣтъ. О чемъ же вы жалуетесь? Я болѣе бы имѣлъ причины сердиться на сочинителя комедіи Бранько называемой, и жаловаться, что на всемъ театрѣ упоминаетъ во всѣхъ явленіяхъ

ніяхъ имя мое Б * * * Изъ моей фамиліи есть Медики, Браньки, стряпчіе, солдаты, не взирая на желаніе ихъ родителей; и я противу воли моего отца хотѣлъ вступить въ другое состояніе, и оставить науки: и такъ развѣ долженъ я думать, что меня представляютъ?

Всѣ Критики нынѣшняго времени имѣютъ тотъ порокъ, что они въ своихъ сочиненіяхъ употребляютъ нѣсколько соблазнительное отмщеніе: по тому меньше стараются они прекратить порокъ, но болѣе оскорбить порочнаго, противъ котораго съ удовольствіемъ производятъ свое отмщеніе.

Къ чему оное служитъ? Когда должно научать, то надобно почитать сочинителя въ разсужденіи его достоинства, поправлять его не безчестя. Коснемся до его погрѣшностей съ благопристойностію, которая была бы ему не противна, и чтобъ онъ благосклонно принялъ то, что его поправляютъ. Вооружиться съ показаніемъ отмѣнныхъ своихъ достоинствъ, объявлять суровой и владычественной видъ, это подать обществу причину себя хулить, не пользуясь никакимъ преимуществомъ усердія, которое почтется оскорбленіемъ.

Многіе за честь поставляютъ, что охуждаютъ ихъ сочиненія. Я противнаго тому мнѣнія. Я не доволенъ, когда критика противъ моего сочиненія выходитъ.

Мало-

Маловажной критикѣ мнѣ страха не дѣлаетъ. Естьлибы я разумѣлъ Греческой языкъ, заставилъ бы я молчать многихъ хулителей.

Мнѣ бы не стали упрекать, что я въ описаніи моемъ безъ разбору давалъ такія имена, которыя не всякому свойственны были. Я болѣе тѣмъ утѣшаюсь, что я не искусенъ, нежели, чтобъ меня обвиняли, что я кого умышленно хотѣлъ злословить.

Люди, которые безъ разсужденія въ ученыя дѣла вступаютъ, не остаются въ одинакомъ положеніи. Они думаютъ ничего не сказали, когда согласуются съ общимъ мнѣніемъ. Желаютъ всегда проязворѣчить, язвить, и въ томъ заключается все ихъ высокоуміе.

Желать всегда хулить, во чтобъ то ни стало, тѣмъ обманываясь подвергать себя еще злѣйшимъ хулителямъ. Самое худое достоинство по моему мнѣнію, чтобъ изслѣдывать всякаго поступокъ, а потомъ доказать себя знающимъ сатирикомъ.

ГЛАВА 17.

Худые насмѣшники.

Худое свойство быть насмѣшникомъ, а надобно сколько возможно убѣгать онаго. Забавлять шуткою, отважиться сдѣ-

лать насмѣшку, но не составлять изъ того должности. Говоря такимъ образомъ, почтенъ будешь знающимъ человѣкомъ.

Человѣкъ, которой дѣлается шутомъ, рано или поздо, придетъ въ презрѣніе. Не всегда захотятъ хвалить не кстати сказанное.

Шутить во вредъ другаго, довольно изъявляетъ безчестнаго человѣка.

Когда кто славится симъ даромъ, тотъ конечно не имѣетъ другихъ хорошихъ свойствъ.

Шутка не вездѣ годится: я сожалѣю о шутахъ, которые въ обществѣ разумныхъ людей весьма холодную будутъ играть роль.

Также весьма глупо шутить надо всѣмъ и насмѣхаться не кстати. Пріятное обхожденіе требуетъ важнаго препровожденія времени, и многія дѣла шутамъ не свойственны.

Худой насмѣшникъ искуснаго шута превосходитъ: но мы исцѣлимся отъ сего язвительнаго желанія: ибо тѣмъ подвергаютъ себя смущенію, досадѣ и ненависти.

Разумная насмѣшка имѣетъ особливыя свои правила.

Насмѣшники кажутся быть довольными, когда имъ тѣмъ же платятъ: я сомнѣваюсь въ ихъ искренности, никто не захочетъ съ ними равняться.

Естьли съ пренебреженія не захотятъ вывесть наружу глупости дурака, тѣмъ снизхожденіемъ не менѣе ему досаждаютъ. Я не думаю, чтобъ тѣмъ оказана была ему великая милость. Самая язвительная насмѣшка не можетъ быть болѣе сей укоризны.

Никогда природнаго недостатка хулить не надобно, чтобъ тѣтъ не произвесть чувствительной насмѣшки. Говоря Еврипиду, что онъ не имѣетъ стройнаго тѣла, хорошихъ ногъ: сіе поношеніе побудитъ его назвать насъ безумными, и не знающими свѣтскаго обхожденія.

Я еще не знаю, дозволяется ли называть скупымъ и подлымъ того, кто бы таковъ былъ въ самомъ дѣлѣ, но сами мы безпорочны ли, и не сыщется ли въ насъ еще бо́льшихъ недостатковъ? Будемъ въ томъ остерегаться для собственной нашей пользы.

Способъ удерживать насмѣшки тотъ, чтобъ оныя предупреждать; надъ горбатымъ не станутъ насмѣхаться, ежели онъ самъ къ тому не подастъ поводу.

Я не прощаю ни того, кто удовольствіе имѣетъ насмѣхаться, ни того, кто сердится за насмѣшку. Оба не знаютъ честно обходиться: гнусно быть насмѣшникомъ, а грубо отвращать то съ гнѣвомъ.

Шутка дозволяется, толькобъ она была благопристойна и умѣренна: а ежели-

либѣ меня вѣ томѣ послушали, то бы совсѣмѣ употребленіе оной истребить надлежало.

ГЛАВА 18.

Любопь и дружба.

Любовь есть порокѣ молодыхѣ людей, слабость старыхѣ, глупость дѣвицѣ, забава малыхѣ, препровожденіе большихѣ, погибель глупыхѣ, и претковеніе разумныхѣ. Чтожѣ я чрезѣ сіе объяснить хочу? Что владычество любви есть всеобщее: она обладаетѣ всякимѣ возрастомѣ, полѣомѣ и состояніемѣ.

Вѣ страсти молодаго человѣка великая пылкость, вѣ старомѣ глупость, скажемѣ однакожѣ, что любовь хорошая вещь.

Любовь производится теперь разнымѣ образомѣ. Кавалерѣ раззоряется отѣ той дамы, которую онѣ обожаетѣ; дама ничего не щадитѣ для любовника, которой ее прельщаетѣ; или сѣ обѣихѣ сторонѣ снабдѣваютѣ на издержки своей страсти; Тимантѣ и Меланія такимѣ образомѣ производятѣ свою любовь. Раззорять себя для женщины, это отдаваться вѣ обманѣ; допускать, чтобѣ она дѣлала издержки, знакѣ безсовѣстнаго человѣка; а любиться безѣ интереса, есть избавиться укоризны.

Лю-

Любовь не бываетъ безъ ревности, ревность соединена съ жестокою печалью, къ которой новыя случаются прискорбности, и продолжаясь безпрестанно, умножаются. Гдѣжъ пріятность любви?

Нещастія мои миновались, я ужѣ больше въ островъ любви не ѣзжу; я оставилъ маловажныя забавы, предупреждая бо́льшимъ опасностямъ.

Влюбленной человѣкъ вездѣ примѣтенъ. Задумчивость изображена на лицѣ его; ничто не можетъ облегчить, нижѣ смяхчить суровость его вида. Пріятные разговоры, разгоняющіе скуку самыхъ угрюмѣйшихъ, ему бо́льшія безпокойства наносятъ. Сердце его терзаемо будучи жестокою ревностію, стѣсняется отягощеніемъ. Онъ съ принужденіемъ смѣется, съ печалію говоритъ. Чегожъ сто́итъ любиться? И сколь любя представляютъ глупую особу!

Для любви потерять надобно много времени, и только въ ономъ упражняться.

Деньги продолжаютъ войну, и способствуютъ любви.

Безпристрастіе въ дружбѣ дѣлаетъ непріятелей, а въ любви производитъ свирѣпыхъ.

Хорошіе успѣхи въ другихъ вещахъ производятъ радость, а въ любви дѣлаютъ омерзѣніе, холодность и разрушеніе.

Раждающаяся любовь закрываетъ многіе недостатки, а ненависть, послѣдующая за оною, уже гнуснѣйшими ихъ объявляетъ.

Посредственнаго состоянія люди производятъ любовь съ меньшею нѣжностію, но съ большею искренностію.

Любовь сильнѣе можетъ быть дружбы, но безразсудна; любовь родится скоро, и также исчезаетъ; дружба же не такъ скоро родится, и продолжительна бываетъ. Любовь прилѣпляется слѣпо, а дружба просвѣщена въ своемъ выборѣ. Любовь влечетъ за собою омерзѣнія, подвержена возмущеніямъ, а дружба безъ упрямства и подвержена самымъ малымъ и рѣдкимъ перемѣнамъ. Любовь хладѣетъ отъ нѣжныхъ обхожденій, а погасаетъ отъ излишней довѣренности: дружба же усиливается отъ услугъ, а умножается отъ благодѣяній. Любовь есть глупая страсть, а дружба изящная добродѣтель: вотъ все, что сказать можно.

Любовь требуетъ отмѣннаго сердца, нежели дружба. Сердце, склонное къ дружбѣ, а другое къ любви, суть два разныя сердца, одно лучше другаго.

Чрезъ долгое время наживаютъ друга, а въ одно мгновеніе пріобрѣтаютъ любовника. Судьба того, что скоро пріобрѣтается, скоро и исчезаетъ.

Чтобъ быть разумну, надобно любиться. Вредная система! опасное правило! раз-

разсуждаютъ ли о томъ, что любясь нарушаютъ вольность сердца и спокойствіе души? Я не желаю разума съ такимъ договоромъ.

Любовь высокомысленнѣе дружбы, и по тому женщина способнѣе къ вымысламъ, но не столь тверда какъ мущина.

Не лехко помирить двухъ поссорившихся пріятелей, по тому что уже крайность ихъ до того довела, а любовники сами помирятся

Друзья проживаютъ нѣсколько лѣтъ въ совершенномъ согласіи, а любовники не могутъ ни часа быть безъ ссоры: спроси́те у меня тому причину: отвѣтствую вамъ, что дружба разумна, тиха, соединена съ воздержаніемъ, а любовь на противъ того скора, спыльчива и чрезмѣрна въ нѣжности. Ссоры любителей не продолжительны, по словахъ *не благодарной и не вѣрной* послѣдуютъ *любезный и дражайшій*. Всѣ способы употребляютъ къ извиненію себя, или къ оправданію, когда кто виновенъ. Нѣжность выражается тогда откровенно. То, что любовь лестнѣйшаго въ себѣ имѣетъ, открывается и услаждаетъ обѣихъ, что удалось истребить не основательныя подозрѣнія, и тогда любовь умножается больше прежняго.

Волокитство царствуетъ между любителями и любовницами. Фулвія веселится

тѣмъ, что много имѣетъ искателей, а Бронтъ скучится оказывая любовь одной только Фулвіи.

Любовь и властолюбіе рѣдко согласны бываютъ, а мудрость съ любовію и того меньше.

Я слыхалъ, что напередъ сего бывали друзья, однакожъ не знавалъ оныхъ.

Говорятъ объ Орестѣ и Пиладѣ, а послѣ ихъ ни о комъ не слышно. Ужѣ много вѣковъ прошло, какъ они жили, однакожъ не примѣчено было подобной ихъ дружбѣ; да и нашъ вѣкъ онымъ не преимуществуетъ.

Положитесь на меня, и уменьшите число вашихъ друзей. Человѣкъ, имѣющій двухъ или трехъ друзей пріятнаго обхожденія, исключенъ всѣхъ принужденныхъ учтивостей и всегдашнихъ притворствъ, а ласкать по крайней мѣрѣ по необходимости, которой всѣ честные люди послѣдуютъ; симъ средствомъ пріобрѣтаютъ всѣ пріятности дружбы, и не надобно долго притворяться.

Тотъ не любитъ никого, кто всѣхъ безъ разбору называетъ своими друзьями; надобно быть затруднительнѣе въ разсужденіи сего выбора.

Ежели вы учините выборъ на цѣлой вѣкъ однажды, то вы будете спокойнѣе.

Выбравъ человѣка своимъ другомъ, ужѣ поздно тогда его пробовать. А надобно прежде его испытать, не принимая его

его въ свою дружбу, чтобъ не укорять себя тѣмъ, что учинилъ худой выборъ.

Щастіе можетъ такъ насъ возвысить, что мы многихъ нуждъ лишимся: но какъ бы оно насъ ни награждало, а безъ друга обойтись не можно. Чѣмъ больше мы благополучны, тѣмъ не обходимѣе намъ другъ надобенъ. Съ нимъ чегобъ намъ не доставало? Безъ него сколько намъ надобно опасаться? Мы склонны къ своенравію, къ обману, къ жестокосердію; въ знатномъ чинѣ, въ которомъ все кажется дозволительно, нашъ не обузданной нравъ будетъ ли чѣмъ доволенъ? Наше высокомѣріе пощадитъ ли кого? Тогда-то потребенъ намъ другъ, которой ласковыми своими совѣтами воздерживаетъ нашу гордость. Кто возмется говорить намъ правду? Кто захочетъ поправлять наши недостатки? Это другъ.

Августъ признавался, что ему надобенъ былъ Меценатъ, а Александру Ефестіонъ. Щастіе ихъ было столь велико, что уже не требовало никакого приращенія а необходимо было имѣть такого друга, на которагобъ всю свою довѣренность возложить было можно.

Не надобно думать о великомъ числѣ друзей, а довольно имѣть одного, которой бы искренно принималъ участіе во всемъ, что до насъ принадлежитъ: я прощаю имѣть двухъ друзей только тому,

кто избираетъ одного для совѣта, а другаго для увѣщанія.

Слушай со вниманіемъ выговоръ отъ друга, этотъ вѣрной путь къ совершенству; ибо гордость такая страсть, которая противорѣчія не любитъ, и которую преодолѣвать очень трудно.

Я узналъ уже снисхожденіе тѣхъ, которые терпѣливо сносятъ выговоры; никто не согласится, чтобъ хула касалась до его пороковъ, отдаются лести, которая старается оныя скрывать, такъ оное и остается. Возвышай безызвѣстныя добродѣтели, увеличивая малыя преимущества; объявя скрытыя достоинства; дѣлайся такъ, будто не видишь пороковъ, тогда тебя за лучшаго друга почитать будутъ. Коснись же до скрытыхъ недостатковъ: то конечно не понравишься.

Откровенность препровождаема дружбою, а чрезъ сію откровенность и дружба пропадаетъ.

Дружба воспрещаетъ дѣлать великое похлебство; она требуетъ, чтобъ мы поправляли другъ друга; друзья не хотятъ быть исправляемы, они тѣмъ раздражаются, и разстаются. Какіяжъ брать мѣры? Понеже мы такъ чувствительны; станемъ стараться больше льстить, но не можемъ уже надѣяться наблюдать долгъ истинной дружбы.

Желать, чтобъ нашъ другъ, выговаривая намъ, наблюдалъ пріятную ласковость; всякое почтеніе, предосторожность, предлагалъ бы все съ пріятностію, съ умѣренностію. Это не желать выговоровъ, а для человѣка это не возможное дѣло.

Пріятель, которой намъ ласкаетъ, опаснѣе непріятеля, которой насъ измѣняетъ; далеко отъ того, чтобъ мы воздерживались отъ нашихъ недостатковъ; онъ допущаетъ, чтобъ оныя въ самые пороки превращались, а пороки бы остались привычкою: все извинять, всѣ слабости приписывать, дозволять не достойныя вольности, вредныя дѣлать послабленія, не воздерживать отъ грѣховныхъ предпріятій, давать корыстолюбивые совѣты, похвалять въ не справедливыхъ намѣреніяхъ, льстивой другъ все оное исполняетъ, чтожъ больше можетъ сдѣлать мстящій непріятель?

Мы льстимъ, когда у насъ требуютъ совѣта; любимъ, чтобъ и намъ льстили, когда мы о чемъ совѣтуемъ, съ обѣихъ сторонъ обманъ не противенъ.

Льстивые друзья между собою въ такомъ положеніи находятся, какъ бы они заключили мирной договоръ, по которому бы прощать съ обѣихъ сторонъ всѣ недостатки.

Человѣкъ проситъ васъ увѣдомить о его недостаткахъ: имѣетъ ли онъ искреннее желаніе поправиться? Я сомнѣваюсь, онъ

онЪ старается показать вамЪ свое удовольствіе вЪ томЪ, чтобЪ вы себя вЪ томЪ не трудили. Это хитрость, которую онЪ употребляетЪ во избѢжаніе поношенія, которое тщеславіе его учинило ему весьма обыкновеннымЪ.

Я бы лучше хотѢлЪ самЪ итти вЪ СіамЪ, и говорить Королю рѢчь, нежели такому пріятелю по его прозьбѢ дѢлать наставленія; мнѢ бы первое легче было исполнить.

ИслѢдуемЪ поступокЪ нашихЪ пріятелей, чтобЪ намЪ свой тѢмЪ исправить. Взглянемъ потомЪ на наши слабости, чтобЪ привыкнуть сносить ихЪ недостатки.

Мы воздерживаемЪ слабости другихЪ; а естьлибЪ сами ихЪ имѢли, то бы обЪ нихЪ не радѢли.

Неравенство двухЪ пріятелей обыкновенно бываетЪ причиною ихЪ разрыва. Миртиль возвысившись не имѢетЪ болѢе той нѢжной склонности, которою онЪ мнѢ клялся; естьлибЪ я былЪ его равный, Миртиль любилЪ бы меня непрерывно.

Согласіе братьевЪ утверждаетЪ щастіе вЪ фамиліи.

МожетЪ ли быть что удивительнѢе вѢрности Регулуса, которой для сдержанія своего слова оставилЪ РимЪ, своихЪ дѢтей, вступилЪ вЪ лагерь кЪ Карѳагенцамъ, и возложилЪ на себя ихЪ оковы; хорошій примѢръ храбрости и истинной

знакЪ

знакѢ добродѣтели, которые обитали вѢ сердцѣ сего великаго героя! побѣдоносный Регулусѣ вѢ завоеваніяхѣ своихѣ могѢ ли что достопамятнѣе сдѣлать кѢ безсмертной своей славѣ!

Будемѣ таковы кѢ нашимѣ пріятелямѣ, каковѢ былѢ Регулусѣ противѢ своихѣ непріятелей, ненарушимы вѢ нашемѣ словѣ, и вѣрны до смерти.

ГЛАВА 19.

О

Благоразуміи.

Одно благоразуміе соблюдаетѢ настоящее время, а другое располагаетѢ будущимѢ; одно обнадеживаетѢ хорошими успѣхами, а другое поправляетѢ худые, и сіе послѣднее находится только вѢ проницательныхѣ людяхѣ.

Многія намѣренія не противны благоразумію, только бы не было вѢ оныхѣ замѣшательства.

Благоразуміе острѣе становится отѢ разныхѣ совѣтовѢ.

Во многихѣ нашихѣ предпріятіяхѣ оказываемѣ мы смѣлость, отѢ которой мы успѣваемѣ; и по тому почитаютѢ насѢ совершенно разумными людьми.

Хо-

Хорошій успѣхъ дѣла не доказываетъ еще, чтобъ притомъ употребленъ былъ хорошій поступокъ: часто хорошіе совѣты производятъ дурныя слѣдствія, а не рѣдко худыя начала къ доброму концу достигаютъ.

Благоразуміе бо́льшее участіе имѣетъ въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ, нежели щастіе; въ другомъ же случаѣ благоразуміе только начинаетъ, а щастіе все совершаетъ.

Не разумнаго человѣка дѣло, оставлять на удачу то, что можетъ отвращено быть предусмотреніемъ и добрымъ совѣтомъ.

Нещастія не могутъ истреблять добродѣтели. Худой успѣхъ предпріятія не уменьшаетъ славы разумнаго человѣка, естьлибъ послѣдствія были въ нашей волѣ, то бы справедливо винить можно было нещастную храбрость и благоразуміе. Побѣжденный фабіусъ мнѣ столькожъ кажется хвалы достоинъ, какъ и побѣдоносный Фабіусъ, какъ скоро я разсмотрю, что щастіе не въ человѣческой власти.

Видѣть, что отважные щастливѣе мудрыхъ, и что разумное предпріятіе не удается такъ, какъ смѣлое и безразсудное. Сіе еще ничего въ себѣ не заключаетъ.

Надобно сожалѣть о нещастіи разумныхъ, не обвиняя ихъ благоразумія, и похвалять щастіе дерзновенныхъ, не похваляя ихъ поступокъ.

Благо-

Благоразуміе не принадлежитъ одному полу. Есть и женщины столькожъ разумны и щастливы подавать совѣты, какъ и самые тонкіе Политики.

Іудиѳь спасла городъ Веѳулію: одна ученая сохранила Смирнскихъ жителей отъ ярости Сардскаго народа; Римляне защищались противъ Галловъ по совѣту женщины.

Усмотрено было благоразуміе женщинъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ совѣтъ степеннѣйшихъ людей былъ безполезенъ. Воображеніе ихъ можетъ скорѣе представить себѣ страхъ, и удобнѣе предпринять пристойныя къ тому мѣры. А мущина не такъ робокъ, по тому и не скоро принимаетъ средства къ охраненію себя отъ угрожающей опасности.

Совѣтъ давать принадлежитъ старымъ, а производить оной въ дѣйство молодымъ. Благоразуміе старыхъ, и смѣлость молодыхъ, дѣлаютъ благополучными предпріятія.

Безпристрастіе хорошо въ совѣтахъ, а пылкость разума удивительна въ рѣшеніи.

ГЛАВА 20.

О игрѣ.

Игра безпокойное упражненіе, а никто отъ того не устаетъ. Мы имѣемъ тому примѣры.

Не

Не скупость внушила людямъ охоту играть, но тщеславіе и мотовство.

Праздность, отвращая отъ важныхъ упражненій, привлекаетъ къ сему препровожденію времени для прогнанія скуки, при чемъ однакожъ проигрышъ денегъ всего меньше стоитъ.

Тщеславіе, раждающее зависть, чтобъ равняться знатнымъ людямъ, совѣтуетъ принять сіе упражненіе какъ такое средствомъ, чрезъ которое можно имѣть вольной доступъ во всѣ домы.

Мотовство не взираетъ на издержки и на опасность; а льстится, что источники никогда не истощатся; и всегда наградить то можно: отъ того и дѣлается худая привычка, мѣнять большой проигрышъ на малой выигрышъ, или поворачивать проигрышъ такими крайностями, которыя новыя опасности влекутъ за собою.

Скупость не вступаетъ въ оное упражненіе, и сребролюбивой на сіе не отважится. Онъ очень бережетъ деньги. Роскоши его состоятъ въ размышленіяхъ; радость его взирать на большія суммы; мало изъ скупыхъ, которые бы самую простую игру разумѣли.

Божба, клятвы, проклятія, обыкновенныя слѣдствія нещастнаго игрока, и оныя еще больше его къ игрѣ возбуждаютъ. Огонь является въ его глазахъ, бѣшенство въ лице его вступаетъ, а отчаяніе изъ

устъ

устѢ его выходитъ. При ономъ состоянiи онъ внѣ себя, возможно ли повѣрить, чтобъ онъ тогда владѣлъ разсудкомъ?

Я видѣлъ, что нѣкоторые хвастались, что они всѣ игры разумѣютъ: что жъ до меня принадлежитъ, я никогда не думаю быть тѣмъ обезчещенъ, что ни одной игры не разумѣю, а только хочу выучиться играть въ шашки.

Корыстолюбiе прогоняетъ искренность въ игрѣ.

Опасно играть съ пріятелями; игра подаетъ поводъ къ обидѣ, слѣдственно и къ не примиримой ненависти.

Щастiе игрока безызвѣстно, онъ въ минуту проиграетъ выигрышъ многихъ дней.

Видѣли ли, чтобъ многiе игроки разбогатѣли? Выигранныя деньги не прочны.

Естьлибъ я былъ игроковъ сынъ, я бы не надѣялся на наслѣдство.

Аспазiинъ мужъ страстенъ къ игрѣ, можетъ ли она по немъ ожидать наслѣдства?

Дамисъ былъ восемь дней въ безпрестанномъ выигрышѣ; щастiе его пронеслось повсюду и навлекло ему завистниковъ. Слѣдовать начали его поступокъ: стали за нимъ примѣчать, вездѣ за нимъ слѣдовали; при самомъ вступленiи его въ домъ свой его обокрали, и прибили, то не лучше ли былъ проигрышъ Дамису? Ежелибъ онъ и съ печалiю домой возвратился, по крайней мѣрѣ ничегобъ не опасался.

Я почитаю страсть къ игрѣ безъ повороту: любовь оставляютъ, когда нѣтъ предмета, а играть не перестаютъ совсѣмъ не проигравшись, да и до какихъ крайностей доходятъ, чтобъ поправить худую свою удачу?

Что остается тому проигрывать, кто проигралъ съ лошадьми карету? Съ ними онъ и чести своей лишился.

Можно быть хорошимъ игрокомъ, не бывъ честнымъ человѣкомъ. Играть въ не большія деньги, проигрышь умѣрять, проигрывать безъ сожалѣнія, выигрывать съ вѣрностію; оное составляетъ имя честнаго игрока, но можно ли играть безъ упущенія своей должности, безъ разоренія себя и ближняго, безъ подозрительныхъ сообществъ? Все сіе, Тразимонъ, сходствуетъ ли съ правилами честности?

ГЛАВА 21.

О тяжбѣ.

Нынѣ вошло въ обычай тяжбу имѣть такъ какъ строиться, печатать, или обучать музыкѣ, многіе только это ремесло имѣютъ. Жены также въ оное мѣшаются, какъ и мужья ихъ, не помышляя болѣе о своемъ степени, ни о томъ, Графини ли они, или Маркизы, а только ихъ подъ именемъ челобитчицъ разумѣютъ.

Ар-

Арганта сто разъ объявляетъ въ собраніи новыхъ своихъ подружекъ, что она только отдохнула, и жить начинаетъ: ибо тяжба ея благополучно кончилась, однакожъ оныхъ еще четыре или пять осталось; но это не много по такой женщинѣ, которая до двацати осьми дѣлъ имѣла, не считая разводу съ мужемъ, и раздѣлу въ пожиткахъ, которое дѣло она съ великимъ жаромъ производила.

Привыкаютъ къ тяжбѣ такъ, какъ къ танцованью и верьховой ѣздѣ. Человѣкъ легкой, и доброй ѣздокъ, танцуетъ, или верьхомъ ѣздитъ: равнымъ образомъ и ябеднику надобны тяжбы, а безъ того онъ мертвой человѣкъ.

Разводить браки, испровергать духовныя, уничтожать даныя, или чтобъ лишеніе наслѣдства объявлено было не праведнымъ; вотъ въ наше время о чемъ тяжбу имѣютъ, и надъ чѣмъ во все время крючкотворство упражнять себя будетъ; со всѣмъ тѣмъ надобно жениться, дѣлать духовныя, награждать однихъ, отнимать у другихъ, можно сказать, что процессы нужны.

Многіе входятъ въ должность стряпчаго, и никто тому не удивляется, ибо всякому хочется въ бездѣлицѣ начать тяжбу.

Довольно вступаютъ въ духовенство, а еще болѣе въ статскіе чины. Мы больше видимъ приказныхъ людей, а менѣе

церковныхъ служителей: причина тому та, что многіе хотятъ умирать безъ покаянія, но не многіе безъ тяжбы проживать желаютъ. Отъ того духовныхъ уменьшается, а число стряпчихъ за полезнѣйшее признается.

Иные приходятъ въ судъ съ оправданіемъ, другіежъ съ обвиненіемъ. Это по большей части ревнивые мужья, которые въ безчестіи своемъ весь Парламентъ свидѣтелемъ поставляютъ.

Судебное мѣсто наполнено людьми, требующими возвращенія своего имѣнія, и взыскивающими своего безчестья; убытки возрастаютъ, честь претерпѣваетъ, разумному человѣку надлежитъ при первомъ своемъ нещастіи остаться, справедливо опасаясь, чтобъ ему новыхъ злополучій не навлечь себѣ на шею.

Мужъ, не довольной своею женою, обвиняетъ ее невѣрностію, призываетъ ее къ суду: она туда является, радуется, что судьею она имѣетъ того, котораго она дружбою обязала, и надѣется отъ него получить милость. Какъ прежде подобныя дѣла за чудо почитали, когда они случались, такъ нынѣ за чудожъ почтутъ, ежели ихъ не будетъ.

Жена и мужъ всякой день въ приказномъ мѣстѣ: мужъ проситъ о правосудіи, а жена о томъ, что ей въ томъ отказываютъ; она ищетъ, чтобъ судьи ее выслу-

ша-

шали; а онѣ, чтобъ наказали ... Доволь но, ежели меня поймутъ.

Мужъ и жена живутъ въ одной спальнѣ; ѣдятъ, и спятъ вмѣстѣ; другъ друга почитаютъ; вмѣстѣ ѣздятъ на гулянье, въ церковь, и въ приказъ, гдѣ всякъ съ своей стороны просятъ о разводѣ. Можно ли больше спокойну быть судяся? Какъ же скоро дѣло кончится, то они смертельно другъ друга возненавидятъ, и вновь просить будутъ о дозволеніи жить вмѣстѣ.

Есть особливые крючкотворцы, которые принимаютъ на себя всякія не справедливыя дѣла, и сыскиваютъ способы дѣлать ихъ справедливыми. Скажитежъ послѣ сего, что правосудіе имѣетъ одинъ видъ.

Истинное право не бываетъ двоякаго смысла, но рѣшится по волѣ тѣхъ, которые рѣшатъ.

Одно дѣло, и равныя обстоятельства, предпринято одинакимъ образомъ, рѣшится нынѣ такъ, а завтра инако, то какъ можно желать судиться?

Золото не портится, но такой опасной металлъ, что можетъ портить такихъ людей, которые бы казались никакъ къ тому не способны. Дѣло гораздо справедливѣе будетъ, когда съ рекомендаціею подарки будутъ.

Мы говоримъ, что судья не могъ намъ помогать: что онъ склонился на прозьбу нашихъ соперниковъ. И мы съ своей сторо-

ны его просили, но только не подкупили. О чемъ же мы жалуемся? Онъ равно былъ бы не извинимъ тѣмъ, или другимъ образомъ.

Поступокъ дѣлаетъ наставленіе въ тяжбѣ. И это общее мнѣніе. Надобно смотрѣть, сколькихъ тяжебъ причиною былъ поступокъ, тогда инако разсуждать станешь.

Естьлибъ сіе философическое правило исполнялось, чтобъ не умножать существъ безъ нужды, то бы и двацати-лѣтнее дѣло болѣе двацати дней не продолжилось.

Судья вышняго совѣта видѣлъ, можетъ быть, начало такого дѣла, котораго преемникъ его конца не увидитъ.

Бездѣлицею начинаютъ тяжбу, которая на конецъ бываетъ совершеннымъ разореніемъ; Хрисантъ и Леархъ были наилучшіе друзья въ свѣтѣ; куропатка, нечаянно застрѣленая въ дачахъ Хрисанта, столько его противъ Леарха возбудила, и тотъ не менѣе огорчился, что ссора представлена была судьямъ того мѣста: потомъ дошло и до Парламента. Дѣло производятъ уже двенатцать лѣтъ, и теперь еще оно продолжается. Оные два богатые и всѣмъ довольные дворянина не имѣютъ болѣе чѣмъ производить свое дѣло, они сами принуждены были его оставить за долгимъ нерѣшеніемъ. Опредѣленіе уже шесть мѣсяцовъ какъ написано, только день за день медлятъ подписывать, и такъ по

всѣмъ

всѣмъ обстоятельствамъ кажется, что правнучата наслѣдятъ нещастное сіе дѣло, и никакого другаго наслѣдства не получатъ, какъ необходимость утверждаетъ честь худаго сего дѣла. Миръ потребенъ въ ссорахъ, а въ тяжбахъ скорое согласіе.

Достоинства, чины и знаменитыя мѣста, суть источники тяжебъ.

День великаго праздника наступаетъ, въ которой жертвоприношеніемъ раскаеваются въ своихъ святотатствахъ съ великою церемоніею. Во всѣхъ городахъ въ свѣтѣ Христіане возставляютъ и украшаютъ храмы для поставленія ковчега Господня. Улицы всѣ такъ убраны, какъ государскіе покои и уставлены цвѣтами, какъ сады, на которые натура всѣ свои возможности истощила. Духовныя особы облачены въ лучшія одежды, дабы тѣмъ болѣе увеличить праздникъ. Какъ все такимъ образомъ учредится, останется честь мирянамъ нести балдахинъ: тутъ они о преимуществахъ заспорятъ. Одинъ говоритъ, что онъ Маркизъ; другой предлагаетъ, какую онъ услугу принесъ церкви; третій преимуществуетъ красною своею епанчею, а послѣдній показываетъ кавалерской крестъ. Оной споръ подаетъ случай къ продолжительной тяжбѣ: надлежитъ доказывать свое дворянство, платить безчестіе. А ходъ, спросите у меня, какъ происходилъ? Не далѣе какъ около церкви. Молодые Се-

кретари несли балдахинѣ, а которые назначены были кѣ славному сему дѣйствію, нещадно бранились.

Не имѣть ни любви, ни тяжбы, просто сказать, есть жить благополучно. Что до меня касается, я предпочту нещастную любовь щастливой тяжбѣ. Склонность вѣ любви продолжается нѣсколько лѣтѣ; и льстятся быть щастливыми страсть оставя, а дѣламѣ конца не бываетѣ. Одно дѣло, сѣ пользою рѣшенное, навлекаетѣ другіе споры, которые умножаются до безконечности.

Сынѣ, не довольный своимѣ отцемѣ, проситѣ о пропитаніи. Отцу такѣ удалось сдѣлать, что сынѣ умерѣ сѣ голоду, добиваясь своего пропитанія; худой совѣтѣ, чтобѣ итти вѣ тяжбу.

Мнѣ должны сто червонныхѣ; я право имѣю ихѣ взыскивать; ежели мнѣ сыскивать уплату, то дѣло будетѣ стоить другихѣ ста червонныхѣ. То лучше лишиться одного ста, нежели потерять другое: такѣ судитѣ человѣкѣ разумной.

Стряпчій представляетѣ вамѣ, что надобно шесть сотѣ столбцовѣ списать для обѣясненія вашего дѣла, потребно на то время три мѣсяца, и двѣсти червонныхѣ задатку. Заплатите лучше ему за все даромѣ, что надлежитѣ; избавьте его отѣ многотрудной работы, дѣло ваше лучше и скорѣе кончится.

Я меньше прощаю стряпчаго Г. . . . . которой много пишетъ, нежели П. . . . . которой много говоритъ. Естьли продолжительная тяжба не исправитъ дѣла, то и заплатить только надобно принадлежащее по дѣлу; а Г. . . . . распространя свое письмо, на разсматриваніе котораго требуется время, и болѣе денегъ за трудъ, а дѣло выйдетъ хуже.

Чтобъ мнѣ не отвѣтствовать за то, что я говорю, платить за трудъ деньги, а надобно сказать, за труды служить буду.

Разговоръ съ тяжебникомъ весьма дологъ и скученъ. А естьли онъ не говоритъ о своемъ дѣлѣ, то изъясняетъ другія. Я прилѣжно убѣгаю такихъ людей. Самая большая разговорщица меньше меня обезпокоитъ, нежели пробыть четверть часа съ человѣкомъ имѣющимъ тяжбу.

Положенъ штрафъ на тѣхъ, кто спустя 30 лѣтъ возобновитъ тяжбу. Надлежало бы штрафовать и тѣхъ, которые столькожъ лѣтъ продолжаютъ. Крючковатые ябедники были бы тому противны; тяжба, продолжающаяся только половину вѣка, имъ кажется скоро рѣшилась.

Болѣе стряпчихъ, нежели казначеевъ, по тому что казна истощевается. Не слѣдуютъ сообщниковъ, которые свѣтскія имѣнія себѣ присвояютъ; но дозволяется слѣдовать игумна, которой церковныя имѣнія расточаетъ.

Естьли ты страстенъ къ тяжбѣ, то я тебя отъ того вылечу. Поѣдемъ со мною въ приказъ, тамъ покажу тебѣ твоихъ судей, за которыми слѣдуютъ по 3 и по 4 лакея. У нихъ разныя кареты, множество лошадей, великолѣпной столъ, близъ Парижа загородные домы, не считая потаеннаго. Доходы ихъ умѣренные; они живутъ только отъ одной положенной акциденціи, но только ты, упрямой ябедникъ, за оную платишь.

Долго ты просилъ, чтобъ тебя выслушали, что и воспослѣдовало: но чтожъ ты выигралъ? Отдаютъ тебя не радивому докладчику; а хотябы ты и такую особу нашелъ, которой онъ ни въ чемъ отказать не можетъ, ибо она его во всемъ слушаетъ, и тогда великое промедленіе предусматривается въ твоемъ дѣлѣ.

И благополучно кончанныя тяжбы не безъ противностей. Естьли имѣнія довольно объяснены будутъ, то знатность фамилій помрачается. Права предписываются въ разсужденіи поступка, но къ полученію имѣнія всегда сомнительства бываютъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 22.

Благодѣянія, благодарность и неблагодарность.

Мы почти никогда недолжимъ по склонности, или когда мы и одолжаемъ, то холодная благодарность истребляетъ въ насъ къ тому усердіе; услуга, худо заплаченная, отнимаетъ охоту служить.

Завидуютъ тому, кто получаетъ удовольствіе; отказываютъ оное требующему, а дѣлаютъ тому, кто платитъ.

Ежели мы жалуемся на неблагодарность тѣхъ, кому мы оказываемъ знаки нашего великодушія, то они болѣе имѣютъ причины жаловаться на суровость нашихъ выговоровъ, на медлительныя наши услуги, и на малое наше стараніе.

Это отмѣнную честь дѣлаетъ великодушію нѣкоторыхъ, чтобъ назвать оное истиннымъ; ищутъ одного прославленія чрезъ оказанныя услуги своимъ пріятелямъ. Иной жертвуя своею жизнію, думаетъ только казаться услужливымъ, не будучи таковымъ въ самомъ дѣлѣ.

Когда случай придетъ обязывать, тогда въ трубу о томъ публикуютъ. Мопсъ днемъ вынулъ шпагу къ защищенію Алидора; а естьлибъ Алидоръ ночью попался въ руки разбойникамъ, можетъ бытъ Мопсъ оставилъ бы друга своего на жертву во-

рамъ,

рамъ, ибо тогда бы никто не могъ видѣть его храбрости.

Надѣясь, что важная услуга, оказанная своему пріятелю, будетъ явна, съ какимъ тогда жаромъ къ тому стремятся. Надобно быть весьма равнодушну, чтобъ противиться сему искушенію. Самые безкорыстнѣйшіе не могутъ пользоваться ихъ благодѣяніями безъ крайняго замѣшательства

Мужественный человѣкъ не отъ всѣхъ равномѣрно принимаетъ благодѣнія. Онъ меньше смотритъ на предлагаемое, какъ на особу, желающую ему услужить. Что заслуживаетъ подарокъ бездѣльника? Я почту себя обиженнымъ его прозьбами. Обязану быть своимъ щастіемъ безсовѣстному человѣку, имѣть всегда себѣ укоризну, и самое то худое средство, чтобъ происходить случаемъ безчестнаго человѣка.

Довольно оказываютъ услугъ, но не хорошимъ образомъ. Есть люди, которые обязываютъ съ такимъ недоброжелательствомъ, что лучше хотятъ не быть ими одолженными. Они вѣчно попрекать будутъ, что они сдѣлали васъ щастливыми. Можетъ ли быть что сего досаднѣе? Не лучше ли бы ихъ благодарили, ничего отъ нихъ не получая?

Одинъ Римлянинъ сказалъ тому, которой упрекалъ, что избавилъ его отъ мучительства Кесарей во время опалы.

Такъ

Такъ отдайте меня обратно Кесарю, какъ будтобы онъ чрезъ то объяснить хотѣлъ, какъ бы моя участь ни была злощастна, токмо бы мнѣ однажды лишиться жизни, а ты своими упреками повторяешь смерть мою ежеминутно; я бы лучше претерпѣлъ суровость Кесаря, которой былъ мой Государь и побѣдитель, а жестокость друга не сносна. Вы превозносите сто кратъ великость своей дружбы, возставя меня изъ ничтожества; такъ возвратите лучше меня опять въ мою низкость. Гордость не милосердыхъ большихъ, которыхъ щастіе надо мною поставило, не такъ мнѣ не сносна, какъ ваши притворныя старанія. Вамъ не пристало безпрестанно хвастать своими благодѣяніями. Это позорище не для васъ, но мнѣ его разсматривать и превозносить надлежитъ.

Дозволено живописцу разсматривать и удивляться красотѣ своего искусства, но не дозволяется то пріятелямъ; грѣшно похвалятся, я его таковымъ сдѣлалъ.

Какъ скоро мы одолжимъ, то сдѣлаемъ то же, что и разумные люди; они закрывали завѣсою тѣ вещи, которыя могли повредить ихъ воображеніе. Сдѣлаемъ завѣсу благодѣяніямъ, оказаннымъ нашимъ пріятелямъ; стыдно уже на то взирать, воспоминаніе того честь дѣлаетъ и касается только до того, кто оныя благодѣянія отъ насъ имѣетъ. Чѣмъ болѣе

мы

мы одолжаемъ, тѣмъ болѣе чести себѣ наносимъ, и надлежитъ намъ то исполнять безъ воздаянія.

Не возбранено напоминать другу оказанныя ему услуги, но только, чтобъ оное было не въ укоризну. Можно ли что искуснѣе сдѣлать, какъ одинъ старой солдатъ требовалъ помощи отъ Кесаря. Милостивой Государь, сказалъ онъ Кесарю, которой судить его хотѣлъ: узнаете ли, Ваше Величество, того солдата, которой для утоленія Вашей жажды приносилъ Вамъ ключевой воды? Это правда, отвѣчалъ Государь: но ты ли тогда былъ: Вашему Величеству можно въ томъ сомнѣваться, по тому что я послѣ того въ службѣ Вашей лишился глаза. Тогда Кесарь его узналъ, и сдѣлалъ ему награжденіе. Разговоръ солдата не былъ укоризною, а самымъ пристойнымъ образомъ сказано было: я Вамъ служилъ, а вы мнѣ сдѣлайте за то награжденіе; въ томъ великое искусство, чтобъ возбудить великодушіе не огорчая. Великодушной человѣкъ не оскорбится тѣмъ, когда ему припомнятъ причиненныя ему удовольствія.

Нѣтъ услугъ безъ благодарности: но только знать надобно, при какомъ случаѣ оказывать свою благодарность. Не всякой можетъ за то оказать знатными опытами, а иной и благодарнымъ словомъ соотвѣтствуетъ своему благодѣтелю, и часто одно слово важностію своею превосходитъ

дитЬ все, чтобЪ ни сдѣлано было. Августъ для Фурніуса простилъ отца его, которой былъ въ партіи Антоніевой, то какой бы надлежало быть благодарности въ семъ случаѣ, въ разсужденіи малѣйшаго подданнаго и великаго Императора? Честной выговоръ, учиненный Фурніусомъ, которой не въ состояніи былъ довольно возблагодарить, болѣе достоинства имѣетъ, нежели всѣ приношенія. „Милостивой „Государь, сказалъ онъ ему: я одну толь„ко отъ Васъ обиду претерпѣваю, по то„му что я теперь долженъ жить и уме„реть не благодарнымъ.

Неблагодарность была порокомъ во всѣ вѣки. Примѣръ каждаго въ томъ удостовѣряетъ. Жена имѣетъ право жаловаться на мужа, мужъ на жену; отецъ на дѣтей; другъ на своихъ друзей; часть одна на прочихъ мѣщанъ; а Государь на подданнаго.

Посланные въ ссылку Сципіоны, Камиллы, и Цицероны, суть примѣры народной неблагодарности, которой во зло обращаетъ то, что къ спасенію его учинено было. Римъ, обязанъ былъ спасеніемъ своимъ ихъ храбрости и краснорѣчію; солдаты въ ихъ особахъ имѣли искусныхъ предводителей, мѣщане великодушныхъ избавителей: но не взирая на оказанное ими благодѣяніе отечеству, партія противовооружившаяся все испровергнула.

Мы

Мы жалуемся на неблагодарность другихъ въ то время, какъ они насъ тѣмъ же упрекать могутъ.

Слышу Антиста, жалующагося на неблагодарнаго; а естьлибъ допустить всѣхъ имѣющихъ причину на него приносить жалобы, тогда бы его гóлоса не слышно было.

Благодѣянія оказываютъ не благодарнымъ. Разсуждаютъ, что служитъ къ чести благодѣтеля обязывать, а притомъ и корыстолюбіе побуждало оказывать услуги. Ежели сіе разсужденіе почéсть справедливымъ, то оное неблагодарности подаетъ справедливую причину.

Послѣднія благодѣянія помрачаютъ часто первыя.

Пока надѣются заслужить благодѣяніе, то любятъ своего благодѣтеля: причиною ли тому благодарность? Никакъ нѣтъ, его убѣгаютъ, и ненавидятъ, какъ скоро его благодѣяніе такое, за которое достодолжно возблагодарить не можно.

Общая милость, благодѣяніе многимъ оказанное, не столь пріятно. Мы не любимъ, чтобъ насъ помрачали, а напротивъ того желаемъ, чтобъ одолжая насъ отличали; оная чувствительность бываетъ въ большихъ и малыхъ. Естьлибъ Государь жаловалъ голубыми лентами всѣхъ благородныхъ, то бы Герцоги и Перы ни во что вмѣняли сіе награжденіе; а когда бы всѣ раненые въ арміи получали Святаго Лудо-

ви-

вика орденѣ, то бы никто не поставлялѣ себѣ за честь быть раненымѣ и носить красную ленту.

Что для всѣхѣ дѣлается, то и для меня безѣ заслугѣ; какую бы милость вы со мною ни сдѣлали, да не для меня одного, то я оное не много почитаю. Вы одолжили меня тысячью ефимками, а и того болѣе дали Мандору и Оронту, то по справедливости раздѣляю я свою благодарность сѣ тѣми, которые пользуются вашею милостію, а вамѣ часть оной оказать буду долженѣ.

Не старайтесь служить многимѣ, а старайтесь знать кому служить; это правило похвальнаго великодушія, которое наблюдать должно.

Благодарность кѣ частнымѣ людямѣ есть неблагодарность; а вѣ разсужденіи Государей это измѣна, и еще нѣчто того хуже, ежелибѣ назвать то было можно.

Какая разность между Короля и подданнаго: какѣ трудно сему сравняться благодарностію своею сѣ великимѣ Государемѣ: однакожѣ больше случается, что Государь убѣжденѣ бываетѣ службою подданнаго. Естьли только почитать то благодѣяніемѣ, что вѣсѣ и цвѣтѣ имѣетѣ золота, Александрѣ могѣ справедливо сказать, что его сѣ оной стороны убѣдить было не можно. Ежели вѣ равновѣсіе взять сѣ одной стороны все богатство свѣта, а сѣ другой до-

брой совѣтъ, или дѣла Парменіона, посмотрѣли бы, какъ оное побѣждать могло Александра?

Добродѣтельные люди могутъ приносить Государю такія услуги, за что наивящшая благодарность наградить не можетъ. Щедрость большаго человѣка портитъ награжденнаго; доброй же совѣтъ, даваемой сему большему человѣку, навлекаетъ ему честь, дѣлаетъ его разумнымъ, и тотъ болѣе хвалы достоинъ.

Даваемое воспитаніе Принцамъ, внушаемая имъ добродѣтель, суть такія преимущества, которыя превосходятъ благодарность. Какъ легко имъ наградить искусство славнаго живописца, выдумку архитектора, столько не возможно исполнить свой долгъ противъ усерднаго Министра, разумнаго Губернатора, и вѣрнаго Совѣтника. Александръ не утѣшно плакалъ по смерти Аристотеля, болѣе нежели по Филиппѣ. Сенека не болѣе ли сдѣлалъ добра Нерону, нежели оной Римскому народу.

Одолжить пріятеля, не ожидая воздаянія, эта благодѣтель обыкновенная: но служить пріятелю, ожидая за то вѣрнаго воздаянія, это желаніе служить наемное.

Предпріиму ли я внушать людямъ взаимную благодарность? Они потеряли чувства къ Богу. Все для человѣка въ семъ пространномъ свѣтѣ, но ничего для Бога въ сердцѣ человѣка.

Со-

Солнце освѣщаетъ сего безбожнаго, которой того не достоинъ; море утишаетъ свирѣпость своихъ волнъ, чтобъ отвести скупаго купца въ другія государства; земля ежегодно приноситъ свои плоды ненасытнымъ богачамъ, а между тѣмъ градъ побиваетъ хлѣбъ у бѣднаго земледѣльца, которой симъ отвращаетъ неудобность времени: вмѣсто того надлежало бы открыть глаза и благодарить щедрую руку, подающую рѣдкія благодѣянія; но сердце свое отвращаютъ отъ благодарности, уста отъ приношенія молитвы, и только негодуютъ.

О чемъ же будутъ жаловаться сіи не благодарные? Тѣмъ ли винить будутъ провидѣніе, что не дало имъ силы львиной, величины слоновой, скорости елеия, и лехкости птичей? Какъ бы роптаніе ихъ было не справедливо! Сколь слабы они ни кажутся; однакожъ укрощаютъ свирѣпость львиную, усмиряютъ слона, останавливаютъ полетъ птичей, и обезсиливаютъ елеия въ бѣганіи.

ГЛАВА 23.

Особлипыя мнѣнія.

Законъ Солоновъ подаетъ причину къ изрядному разсужденію. Онъ учредилъ, что сынъ не обязанъ кормить отца, есть-

ли онѣ имѣя способъ обучить въ младости сына своего художеству, о томъ по должности своей не старался. Великая обязанность предписать дѣтямъ потребное упражненіе, внушая имъ къ тому охоту, вмѣсто того чтобъ допускать ихъ препроводить въ праздности наилучшія молодости лѣта. Мы желаемъ, чтобъ они обучались музыкѣ, танцованію, миніатурной живописи, и обременяемъ ихъ тысячью не нужными искусствами, которыхъ ко обученію первыхъ начáлъ едва имѣютъ они довольно время. Для чего не возмемъ мы лучшей предосторожности, обучить ихъ полезнымъ наукамъ? Приведемъ ихъ въ состояніе быть нѣкогда праводушными купцами, просвѣщенными судьями, разумными Офицерами, усердными гражданами: государство въ цвѣтущее состояніе тѣмъ приведено будетъ, а семейства наши останутся въ почтеніи.

Я нахожу весьма разумно то, что сказалъ Кратесъ. Онъ желалъ взойти на самое возвышенное мѣсто въ городѣ, откудова бы онъ могъ громогласно восклицать: О люди! сколь велико ваше заблужденіе, „что вы печетесь собирать богатства, не „стараясь о воспитаніи вашихъ дѣтей, „которымъ вы оное должны оставить!„ Обыкновенно видимъ такихъ отцовъ, которые намѣряются учинить дѣтей своихъ богатыми, а меньше всего думаютъ сдѣлать

лать ихъ честными людьми, естьлибъ научили ихъ, какъ употреблять оныя богатства; но подаютъ имъ примѣры роскоши, или крайней скупости. Я признаюсь, что при нихъ говорятъ, какъ трудно пріобрѣтать богатство, какъ нужно оное сохранять, и какъ не сносно лишаться онаго: объ этомъ ли съ ними говорить надлежитъ? Не довольно ли они уже и безъ того имѣютъ тщеславія, не возбуждая въ нихъ сластолюбія, которое и само собою довольно приходитъ?

Наставленіе юношества почиталось въ древность необходимою должностію, чтобъ отцы сами научали своихъ дѣтей. Въ сіи щастливыя времена не было другихъ учителей, кромѣ тѣхъ, которыхъ натура къ тому опредѣляла. Вѣдали, сколь опасно препоручать воспитаніе тѣмъ, которые не съ усердіемъ то исполнять будутъ.

Такимъ образомъ обучать дѣтей, у Римлянъ почиталось почтенною должностію: что скажемъ мы въ свое оправданіе, что въ ономъ имъ не послѣдовали? Не обходимыя ихъ упражненія, прилѣжность къ дѣламъ, и число дѣтей ихъ, съ большею справедливостію и ихъ бы извиняло.

Естьлибъ отцы смотрѣли за своими дѣтьми, не можнобъ довольно было изъяснить, сколько такое смотреніе добра бы приносило; данная имъ власть съ хорошими ихъ совѣтами, и зависимость дѣ-

тей дѣлала бы ихъ покорливыми власти отцовской, которые бы блюли о ихъ поправленіи. Страсти не мѣшались бы въ поступки юношества. Тайные пороки, безразсудныя склонности и упрямства, далеко бы отгнаны были. Добродѣтель сдѣлалась бы обыкновенною, и все кажущееся имъ грѣхомъ, чинило бы имъ отвращеніе.

Есть ученые съ остротою, которые исполняютъ добродѣтели: какъ скоро узнаютъ ея изящность, они чувствуютъ отмѣнную склонность къ любленію ея; имъ только показать добро, чтобъ возбудить въ нихъ склонность къ произведенію онаго въ дѣйство; вы скажете, что натура все въ нихъ совершила, и воспитанію ничего дѣлать не оставалось.

Всякая страсть безчеститъ состояніе человѣка: напрасно закрывать онъ будетъ свои пороки, они тѣмъ не умалятся. Однакожъ испорченной свѣтъ сдѣлалъ, что не всѣ ненавидимы. Страсть къ женщинамъ, любовь къ славѣ, желаніе къ мщенію, почитаются дѣйствіемъ мужества, и благопристойною необходимостію; а есть другія, которыхъ не очень честные люди ненавидятъ. Пренебрегаютъ пьяницу; всякой хулитъ его крайность и его убѣгаетъ.

Неумѣренность великихъ людей есть самый опаснѣйшій порокъ, которой дѣлаетъ ихъ жестокими и свирѣпыми. Александръ въ великомъ гнѣвѣ, происшедшемъ

отъ

отъ вина, убилъ Клитуса; Маркъ Антоній веселясь за столомъ, велѣлъ принесть къ себѣ головы славнѣйшихъ мѣщанъ.

Персы и Греки совѣтовали за столомъ: конечно они думали, что тогда удобнѣе говорить правду, ибо въ хмелю обыкновенно оставляютъ лесть и притворство.

Мнѣ кажется, что на банкетахъ не очень способны люди къ рѣшенію. Разумъ тогда не свободно дѣйствуетъ, пары смущая его, затмѣваютъ лучи премудрости. Ежели же отъ толь смущеннаго разсудка когда и появятся нѣкоторыя здравыя разсужденія, то это не взначай и отъ того къ стремленія, такъ какъ и море, которое сокровенныхъ въ безднѣ его сокровищъ инако не выбрасываетъ, какъ въ волненіе.

Нѣтъ обыкновеннѣе страсти корыстолюбія. Единое почтеніе удаляетъ отъ грѣха; природная стыдливость не допускаетъ до худыхъ обхожденій; благопристойность совѣтуетъ наблюдать смиренномудріе, стыдится гнѣва, и таковыя преодолѣнія себя кажутся славны. Но уступить побужденіямъ корыстолюбія, побѣда сія постыдна.

Тороватые наружностію показываютъ въ себѣ такое корыстолюбіе, котораго они оставить не могутъ; можно оное преодолѣть, но только тогда, какъ оно сопротивляется желаніямъ.

Корыстолюбіе испортило употребленіе добра, отъ тщеславія его ищутъ, а скупость его удерживаетъ. Не видно ужѣ такихъ безкорыстныхъ душъ, которыя бы его съ нетерпѣливостію дожидались, илибъ владѣли онымъ съ умѣренностію.

Корысть раздѣляетъ брата съ братомъ, друга съ другомъ, и человѣка самаго съ собою.

Ужѣ гласъ природы не слышенъ, когда прибыль себя являетъ, и самая вѣра молчитъ въ присутствіи оной. Ибо сынъ возстаетъ на отца, Христіанинъ же ей жертвуетъ всею своею совѣстію.

Гнусная жертва, которую приносятъ корысти! скупой купецъ почитаетъ прибыль своимъ творцомъ; судья въ присутствіи съ собою ее имѣетъ; придворной и Министръ только по внушеніямъ оной поступаютъ; я принужденъ и больше сказать, не одному Богу жертвуютъ во храмахъ церковнослужители, поставляя ковчегъ къ Дагону, смѣшали святыню съ корыстью.

Господинъ Муаніонъ благодарилъ Г. Мазарина, которой поздравлялъ его съ чиномъ перваго Президента: но кардиналъ ему отвѣчалъ, что ежелибъ Король могъ найти добраго человѣка лучше его, то бы ему онаго чина не далъ. Сколь пріятно получать возвышеніе по своимъ достоинствамъ; естьлибъ всѣ чины раздавались по достоинствамъ, то бы съ лучшимъ порядкомъ отпра

правлялись должности. Когда безпорочные люди правятъ государствомъ, то должно ожидать добраго порядка; какъ же скоро тщеславной найдетъ средство произвесть въ дѣйство свои намѣренія, то уже не будетъ миролюбивое правленіе, но жестокое тиранство.

Великіе чины не составляютъ великихъ людей, но великіе люди являютъ величество и въ малыхъ чинахъ. Естьли по щастію кто предупрежденъ будетъ въ пользу ихъ, то они во всѣхъ своихъ дѣлахъ удивленія достойными себя окажутъ; оная выгода не лучше ли того, чтобъ обращаться въ знатныхъ должностяхъ единственно къ стыду своему?

Я столькожъ почитаю человѣка съ веселіемъ дѣла свои отправляющаго, какъ того, которой веселію дѣла предпочитаетъ.

Наблюдать всегда равнодушіе, и въ самомъ спокойствіи духа размышлять о порядкѣ, къ тому-то долженъ человѣкъ стремиться.

Въ знатныхъ отправленіяхъ потребно проворство молодаго, и зрѣлость стараго человѣка.

Нужной человѣкъ государству, въ разсужденіи своего отмѣннаго достоинства, тонкости разума, подверженъ обыкновенно всегдашней дряхлости, отъ того дѣла медлятся; оное нещастіе безъ поправки,

а на его мѣсто молодаго и не искуснаго человѣка опредѣлить не можно.

Всѣ строящіеся ищутъ только спокойнаго расположенія, и многіе въ Парижѣ въ чужихъ домахъ больше находятъ пространства, нежели въ своихъ.

Для себя ли строятся, и для своего удовольствія? чего я не думаю. Изъ десяти домовъ, устроенныхъ Лизисомъ, онъ и въ трехъ самъ не былъ.

Ришелье, славное мѣсто въ государствѣ, какъ въ хорошемъ расположеніи го́рода, такъ и въ лучшемъ строеніи за́мка, все сдѣлано было по приказу Кардинала сего имени. Увѣряли меня, что онъ самъ никогда тамъ не былъ, а довольствовался тѣмъ, что подъ именемъ его построенъ былъ городъ.

Я смотря на дворецъ одного чужестраннаго Принца, разсуждалъ самъ въ себѣ: на что столько мѣста для одного человѣка, которой изъ всѣхъ сихъ пространныхъ покоевъ займетъ только одинъ, и въ томъ одну посте́лю, и въ той не большое мѣсто, оставляя много пустоты. Оное разсужденіе гораздо понравилось бы Діогену, которой самымъ дѣломъ оное исполнилъ, что предпочелъ простое жилище великолѣпному дворцу Македонскаго Государя.

Война опасна по тому, что наводитъ великія нещастія; однакожъ она не безполезна: миръ по ней послѣдующій приводитъ

дитЪ всѢ вещи вЪ прежній истинный ихЪ порядокЪ.

Послушаніе во всякое время было похвально, а особливо вЪ войнѢ.

Послушаніе, какихЪ бы оно худыхЪ слѢдствій ни было, найдетЪ однакожЪ похвалу. А непослушаніе, какЪ бы удачно ни было, строго будетЪ судимо: примѢрЪ тому сынЪ Епаминондаса. Оной воинЪ Тебанской брань имѢлЪ сЪ Лакедемонцами; назначенЪ былЪ день для выбору судей; отецЪ запретилЪ ему сражаться. Лакедемонцы пользуясь отсутствіемЪ своего предводителя, просили сына его напáсть на непріятеля: за отказЪ называли его трусомЪ, и такЪ онЪ позабывЪ данный ему приказЪ, сразился и побѢдилЪ непріятеля. Епаминондасъ короновалЪ сына своего побѢдителемЪ, но не хотя оставить безЪ наказанія его преслушаніе, тотЪ же часЪ велѢлЪ ему отрубить голову.

ЧтобЪ было изЪ того, естьлибЪ дозволялось преступать военныя правà? ОдинЪ бѢшеной и не совсѢмЪ храброй, или безЪ искусства человѢкЪ, всего бы государства судьбину имѢлЪ вЪ своихЪ рукахЪ: политика по причинѢ тому противится.

МалѢйшій сигналЪ возбуждаетЪ кЪ великой храбрости; храброй человѢкЪ всегда готовЪ стать противЪ своего непріятеля. ОнЪ не требуетЪ времени приготовиться великолѢпно, выѢхать или заготовить воен-

енные снаряды, храбрость его замѣняетъ. Ему приказать не успѣютъ, какъ онъ уже готовъ сражаться съ своимъ соперникомъ. Александръ столько склоненъ былъ къ войнѣ, что, какъ скоро услышалъ игру на трубахъ, то обнажилъ свою шпагу.

Роскошь побѣдоноснаго народа тогда только служитъ утѣшеніемъ побѣжденнымъ, ежели отъ того солдаты ослабѣютъ и лишатся храбрости, или потеряютъ случай къ побѣдѣ. Римъ долженъ утѣшаться отдачею Карѳагена. Фабій довольно былъ отмщенъ слабостію Аннибала, котораго разбитіе приписываетъ Сентъ-Евремонъ роскошамъ въ Капуѣ, которыя побѣдителю Римлянъ весьма были не сносны.

Терпѣніе уменьшаетъ болѣзни: ибо оно ободряетъ человѣка, а нетерпѣливость усугубляетъ: ибо она происходитъ отъ слабости.

Жалуются на несносность болѣзни, но надобно въ томъ винить свою слабость.

Человѣкъ такъ не терпѣливъ, что самая бездѣлица его поколебаетъ.

Нѣтъ болѣзни превосходящей нашу твердость; я разумѣю сверьхъ той силы, которую человѣкъ имѣетъ по своему состоянію. Муціусъ превзошелъ жаръ огня, Регулусъ жестокость мученія; Сократъ ядъ; Рутиліусъ несносность ссылки; а Катонъ видимую смерть.

Когда терпятъ, то думаютъ, что другіе того свободны. У кого голова болитъ, тотъ думаетъ, что зубная болѣзнь не столь мучительна; а у кого зубы болятъ, тотъ думаетъ, чтобы онъ лучше вытерпѣлъ каменную болѣзнь; воображаютъ себѣ, что другихъ болѣзни сноснѣе, нежели тѣ, которыя сами претерпѣваютъ.

Я нахожу въ Ксенофонтѣ славной примѣръ мужества. Когда пришли ему возвѣстить о смерти сына его, то онъ снялъ съ себя шляпу, украшенную цвѣтами, показывая чрезъ то, что онъ огорченъ. Но онъ скоро потомъ ее опять надѣлъ, какъ ему сказали, что сынъ его умеръ храбрымъ человѣкомъ, огорченіе прямо разумѣваемое? Слезы справедливо проливаемыя! то, что возбуждало бы наше огорченіе, служило къ облегченію скорби Ксенофонтовой. Мы оплакиваемъ дитя, которое намъ подавало хорошую о себѣ надежду, а часто по неизвѣстности нашей, можетъ быть, онъ бы все то помрачилъ, естьли бы жилъ болѣе.

Тѣ, которые славно умерли, не должны побуждать насъ къ великому огорченію А кажется справедливѣе оплакивать тѣхъ, которые окончали жизнь свою безславно, будтобы мы слезами своими желали омыть порокъ грѣховной ихъ жизни. Не по тому Давыдъ неутѣшенъ былъ послѣ

жал-

жалкой смерти Авесалома? Сей Принцъ къ уменьшенію своихъ вздоховъ, когда объявили, что Авенирь убитъ былъ измѣнникомъ Іоавомъ, громко сказалъ: какого великаго человѣка лишился Израиль, и Авенирь прекратилъ свою жизнь не такъ, какъ умираютъ трусы.

Злопамятной, которой никогда не прощаетъ, самъ есть первой, которой желаетъ, чтобъ Богъ его простилъ. Онъ ропталъ бы на строгую справедливость Божію, ежелибъ принудить его прожить нѣсколько лѣтъ въ покаяніи; простительно ли имѣть цѣлой вѣкъ смертельное мщеніе противъ своихъ злодѣевъ?

Злопамятной искусно оправдаетъ свои чувствованія; онъ жестокъ, и ничего не значащее слово его на гнѣвъ побуждаетъ; онъ свирѣпъ и омываетъ обиды свои въ крови; изрядная честь, которую оправдаютъ грѣхами.

Покорность ни мало не дѣйствуетъ надъ разсудкомъ злопамятнаго; чѣмъ болѣе вы покаряетесь, тѣмъ болѣе онъ отъ васъ того требуетъ. Такія подлости не сдѣлаютъ ли вамъ отвращенія? Вѣра чинитъ оное достоинство славнымъ.

Хорошо скрывать обиды, убѣгая, чтобъ не быть принуждену дѣлать отмщеніе.

Гнѣвъ большихъ не такъ скоро утишается, какъ малыхъ людей; безмѣрно чувствительны они къ чести; они разсуж-

да-

ждаютъ за подлость, чтобъ прощать, и за трусость, чтобъ не отомщать.

Провидѣніе объявляется столь же сильно въ малыхъ вещахъ, какъ и въ большихъ. Оно снабдило силою льва, а не муравья, котораго отмѣннымъ искусствомъ противъ льва наградило. Слонъ очень силенъ, но птица превосходитъ его легкостію. Вездѣ видна премудрость сего Вышняго всемогущества. Все въ натурѣ стройно, и все чудно!

Всякое благо низпосылается намъ съ неба, никто въ томъ не сомнѣвается: однакожъ нѣкоторыя вещи провидѣніе отдаетъ человѣку на волю, и оныя зависятъ отъ множественныхъ причинъ; а другія вещи раздаетъ безпосредственно: оныя не зависимыя отъ человѣка, дѣлаютъ его не вредимымъ отъ нападенія прочихъ, и таково есть блаженство мудрыхъ Государей. Они за хорошій ихъ успѣхъ должны благодарить Бога, имъ то прямо пославшаго. Другіе люди получаютъ не посредственно свое благополучіе; Богъ опредѣляетъ имъ быть благополучными, но исполняетъ намѣренія своей благости посредствомъ могущихъ людей.

Безъ денегъ, не знаю, чтобъ предлагалъ Прокуроръ, купецъ и казначей; у нихъ только и разговора; мнѣ должны столько, я нажилъ великіе доходы, я уже пятой въ имѣніи миліона.

Бо-

Богатой говоритъ о деньгахъ, по тому что онъ ихъ имѣетъ; другіе объ нихъ говорятъ по неимуществу, и что ихъ получить желаютъ.

Не уважать богатствомъ, есть быть совершенно богатымъ.

Болѣе стариковъ живущихъ молодыми, нежели молодыхъ, которые бы жили стариками.

Я очень не хвалю тѣхъ, которые въ старости притворно являютъ себя молодыми.

Всякое состояніе должно имѣть особливое свое ученіе; но премудрость есть всѣмъ общая наука, во всякомъ состояніи и возрастѣ. Пристойно ли Богослову сочинять любовныя повѣсти? Конечно нѣтъ. Такъ какъ и стихотворцу отнюдь не прилично толковать таинства вѣры; молодой Витія вступитъ ли между Докторами? Никогда. Но никогда не похулятъ тѣхъ, кои прилѣжать будутъ къ обученію премудрости. Малые, слабые и не смысленные снискивать то могутъ: они столькожъ къ тому права имѣютъ, какъ и самые совершенные въ наукахъ.

Человѣкъ, трудившійся въ наукѣ премудрости, постыдится упражняться въ другомъ. Платонъ въ младости своей сочинилъ оды и трагедіи, которыя онъ потомъ сожегъ, опасаясь, чтобъ они не нанесли безчестія имени Философа; божественное имя весьмабъ худо было утвержде-

но

но обнародованіемъ его сочиненій, въ которыхъ бы не было хорошаго слога, а особливо въ послѣднихъ его изданіяхъ.

Великія души къ удивленію сходствуютъ между собою. Храброй человѣкъ склоненъ къ подобному себѣ; радуется его успѣхамъ, печалится о его неудачѣ. Чувства и разумныхъ таковы же; радуются, когда похваляютъ ихъ сочиненія; огорчаются, когда всеобще оныя не приняты; славу ихъ въ собственное свое щастіе вмѣняютъ.

То не роскошь, чтобъ быть въ удобное время чливу. Но не удобное время безобразитъ всякія крайности. Беречь свое имѣніе въ удобное время, это не скупость; показать себя ученымъ при случаѣ, это не тщеславіе.

Употребимъ способности, которыя провидѣніе низпослать благоволило. Простительно ли зберегать тысячу вещей, а между тѣмъ глупо промотаться? Люпеинъ имѣетъ хорошую лошадь, но рѣдко на ней ѣздитъ, боится ее разгорячить. А между тѣмъ самъ такъ отъ ходьбы разгорячится, что получаетъ отъ того жестокую простуду и чуть не умираетъ.

Знатная барыня по такомужъ глупому усердію къ своимъ лошадямъ, въ самую жестокую зимную погоду изъ упрям-

ства пошла пѣшкомъ; но за снизхожденіе свое весьма худо была заплачена. Она передомною упала. Учтивость побудила меня ей помо́чь встать.

Я не преминулъ изъяснить ей, что состояніе богатыхъ очень не похвально, ежели они не могутъ по своему желанію пользоваться своимъ имѣніемъ. Она такія предпріятія располагала, что уже въ вѣкъ ей подобнаго нещастія не приключится. Въ самомъ дѣлѣ, на что имѣть карету, ежели ее въ худое время запирать въ сараѣ: а когда время хорошо, тогда въ ней не будетъ нужды: а въ бурю и въ дождь всякой сидитъ дома.

Александръ спрашивалъ у Кратеса, желаетъ ли онъ, чтобъ приказано было опять построить его отечество? Нѣтъ, отвѣчалъ сей Философъ: другой Александръ можетъ быть придетъ и разоритъ также. Какъ бы кто совершенъ ни былъ, найдутся люди, которые могутъ заступить его мѣсто. Человѣкъ умретъ. Каждой въ первыхъ движеніяхъ прискорбности увеличиваетъ его потерю, похваляетъ его дѣла, отчаевается, чтобъ кто нибудь могъ ему послѣдовать, или нѣсколько хотя подражать начатому; однакожъ выходитъ противное тому. Брюни и Миньярды почти помрачили Апеллесовъ и Зевксисовъ. Послѣ Лувуа наступилъ Понпонъ; послѣ Турена Люксамбургъ; послѣ Люксамбурга

Виль-

Вильруа; слава Кесарей почти исчезла чрезъ славныя дѣла Лудовиковъ.

И такъ нѣтъ потери человѣка безъ возвратну. Не усомнимся, чтобъ послѣ сихъ, которымъ мы удивляемся, не вступилибъ другіе большаго удивленія достойные, а творецъ одинъ можетъ сдѣлать, что въ одной особѣ Королевской не будетъ ужѣ никогда другой ему подобной.

Что намъ дѣлать въ чужихъ государствахъ? пребудемъ въ своемъ отечествѣ; оно намъ также представляетъ цвѣты, горы, лѣса, и лучшіе города, нежели мы увидимъ въ другихъ государствахъ. Путешествія научаютъ жить; коммерціи разныхъ областей много способствуютъ. То ли ваше намѣреніе! Вашъ пріятель Титонъ, объѣхавъ королевства Сіамъ, Китай, Индію и Японію, чтожъ выучилъ такое, чегобъ онъ прежде ужѣ не зналъ? Узналъ онъ, что варвары имѣютъ дикой обычай, а его сдѣлался ли чрезъ то болѣе снизходительнымъ? Онъ видѣлъ идолослуженія сихъ не просвѣщенныхъ народовъ: я также какъ и онъ зналъ ихъ суевѣріе; но сіе разное богослуженіе, сіи разные законы не поколебали ли его, чтобъ онъ того оберегался?

Исправлять себя философски, это притворять свои пороки, искоренять свои страсти, это исправлять себя по-Христіан-

ски. Многіе ищутъ сего совершенства, чтобъ не быть обезчещену въ свѣтѣ. А Христіанинъ еще дальновиднѣйшія имѣетъ намѣренія. Онъ не доволенъ собою, ежели онъ не очистится столькожъ внутренно, сколько Философы съ наружности притворно являютъ; онъ пресѣкаетъ порокъ съ корня, и все, что притворное, противно его добродѣтели.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА имени В. И. Ленина

5T 937/IV

Инв. 6546

[redacted]

Книга принадлежит

Григорию Медведеву

11 8.
17. лис.
6. тетр.
15. лист.
20-лет.
50 л.

150 110